

100246

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ПРОТЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-я.

ОКТАБРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. ШАРСМАНЪ

н. В. 1875/10.

О Ч Е Р К И

КОКАНСКАГО ХАНСТВА

Еще очень недавно, на нашей такъ-сказать памяти, Коканское ханство считалось самымъ обширнымъ изъ всѣхъ независимыхъ владѣній въ Средней Азіи. Хотя его ханы не пользовались, въ мусульманскомъ мірѣ и въ глазахъ своихъ подданныхъ, тѣмъ значеніемъ, которое издавна было присвоено этимъ міромъ главѣ его—бухарскимъ эмирамъ, но тѣмъ не менѣе власть коканскихъ хановъ признавалась, въ бѣльшей или меньшей степени, на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ Русскаго Туркестана (безъ Заравшанскаго округа) коканскихъ владѣній, Каратегина, Дарваза, Куляба, Шугнана, Вахана и даже (короткое время) Кашгара.—Историческія событія, въ которыхъ на долю насъ, русскихъ, выпала самая значительная роль, низвели Коканское ханство до весьма ничтожныхъ, сравнительно съ прежними, размѣровъ. Въ настоящее время ханство это заключаетъ въ себѣ только одну, довольно обширную впрочемъ, долину въ среднеазиатскомъ нагорьѣ, прорѣзанную рѣкою Сыръ-Дарьей, и извѣстную, еще съ древности, подъ именемъ Ферганы, т.-е., иначе говоря, обнимаетъ, съ прилежащими горами, пространство градуса въ четыре по долготѣ и градуса въ два съ половиной по широтѣ (неполныхъ) и, слѣдовательно, не превосходитъ 1000 кв. геогр. миль, или пространства нѣкоторыхъ большихъ уѣздовъ (Астраханскаго, Чердынскаго) или средней величины губерній Россіи (Казанской, Смоленской, Тверской, Харьковской). Впрочемъ, равнинная и вмѣстѣ съ тѣмъ культурная часть ханства, лежащая, главнымъ образомъ,

къ югу отъ р. Сырь-Дарьи, занимаетъ не болѣе 275 кв. геогр. миль, т.-е. около четвертой части ханства. По свѣдѣніямъ покойнаго А. П. Федченко ¹⁾, у котораго я взялъ вышеприведенныя цифры, сказанная долина представляетъ довольно ровное степное пространство, имѣющее, впрочемъ, нѣсколько возвышеній, которыя, по сравненію съ окружающими долину горами, кажутся не болѣе, какъ холмами. На западѣ долина эта, небольшою полосой земли, верстѣ въ десять шириною, соединяется съ общеою степью, а на сѣверѣ, востокѣ и югѣ она замкнута высокими горами, стоящими въ непосредственной связи съ тѣмъ обширнымъ средне-азіатскимъ нагорьемъ, для котораго усвоено названіе Тяньшана. Широкая горная масса отдѣляетъ эту долину, на сѣверѣ, отъ долины р. Таласа, другая, на югѣ, еще болѣе трудно доступная,—отъ бассейна Аму-Дарьи. Горы, лежація на восточной границѣ ханства, не составляютъ отдѣльнаго хребта или кряжа, а представляютъ скорѣе окраину общаго нагорья, разстилающагося къ югу отъ оз. Иссыкъ-куля. Такимъ образомъ, описанная мѣстность носить почти исключительно горный характеръ, но тѣмъ не менѣе культурная и историческая жизнь Коканскаго ханства, какъ ниже увидимъ, сосредоточилась не въ горахъ, а у ихъ подношья и на томъ ровномъ степномъ пространствѣ, гдѣ является возможность орошенія и воздѣлыванія продуктовъ, свойственныхъ осѣдлой жизни.—Если стать на крышу коканскаго кремля или даже на крышу какого-нибудь возвышеннаго зданія въ городѣ, то общее очертаніе границъ ханства будетъ видно простому глазу. Почти кругомъ, какъ сказано выше, будутъ возвышаться, передъ глазами зрителя, предшествуемая низкими предгорьями, громадныя, съ рѣзко очерченными формами, массы горъ, ясныхъ и длинныхъ, покрытыхъ снѣгомъ съ отдѣльными пиками, достигающими на югѣ до 15 т. футъ и болѣе высоты. Между этими грядами горъ тянутся мѣстами продольныя, частію воздѣланныя, долины, а самыя гряды прорѣзываются поперечными, скалистыми или покрытыми рѣдкою лѣсною растительностію, трещинами, по которымъ стекаетъ съ горъ множество обильныхъ водою рѣчекъ, служащихъ главными источниками орошенія ханства, и потому почти никогда не достигающихъ Сырь-Дарьи, единственной большой рѣки, входящей въ ханство изъ нашихъ предѣловъ, подъ названіемъ Нарына, и, по соединеніи близъ г. Намангана, съ р. Малою Сырь-Дарьей, получающей свое настоящее названіе. Орошеніе, при посредствѣ разнообразной величины и ширины

¹⁾ Путеш. въ Туркестанъ (Изв. Имп. Общ. любителей естествознанія, XI т., 7 вѣд.)

искусно развѣтвляющихся каналовъ (арыковъ) изъ сказанныхъ горныхъ рѣкъ и рѣчекъ, дало возможность превратить равнинную часть ханства въ богатый, хотя и не вездѣ сплошной, оазисъ, перерывчатый степными пространствами, вслѣдствіе недостатка орошенія, на правой сторонѣ Дарьи и разстилающійся непрерывною, на протяженіи около 250 верстъ, массою садовъ и полей—на лѣвой. Воздѣланные пространства встрѣчаются также и въ горахъ—въ нижнихъ частяхъ продольныхъ долинъ и горныхъ склоновъ, но тамъ садоводства почти уже не встрѣчается, а обработка полей совершается преимущественно безъ орошенія, «подъ дождь» и «подъ яръ.» Верхнія части долинъ, съ ихъ обильною травяною растительностію, носятъ характеръ исключительно кочевой жизни: это—такъ-называемыя *яйлау* (лѣтовки), богатые пастбища, куда на лѣто уходятъ и живутъ съ своими стадами киргизы и другіе кочевники.

Знаменитѣйшій изъ государей Средней Азіи, Султанъ Баберъ, оставившій намъ превосходныя собственноручныя записки о своей жизни, подробно и основательно описалъ, между прочимъ, и Фергану, въ которой, въ 1494 г., на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ своей жизни, онъ началъ свое, обильное разнообразными событіями, царствованіе. Вотъ какъ описываетъ Баберъ мѣстность нынѣшняго Коканскаго ханства ¹⁾:

«Фергана—страна небольшихъ размѣровъ, но изобилующая зерномъ и фруктами. Со всѣхъ сторонъ она окружена горами, исключая запада—въ направленіи къ Самарканду и Ходженту—гдѣ горъ вовсе не встрѣчается. Съ этой только стороны и можетъ войти въ нее чужеземный врагъ. Сейхунъ (т.-е. р. Сыръ-Дарья), извѣстная вообще подъ именемъ рѣки ходжентской, течетъ съ сѣверо-востока и, проходя черезъ всю страну, направляется къ западу. Протекая на сѣверѣ отъ Ходжента и на югѣ отъ Финиката (т.-е. древняго Бенакента), болѣе извѣстнаго теперь подъ именемъ Шахрохіи, рѣка уклоняется потомъ къ сѣверу, къ Туркестану, гдѣ, непитаемая въ своемъ теченіи никакою другою рѣкою, она поглощается большою песчаною степью, лежащею ниже Туркестана, и въ ней пропадаетъ ²⁾. Въ этой странѣ находится семь округовъ, изъ которыхъ пять лежатъ на югѣ Сейхуна, а два на сѣверѣ. Изъ округовъ, расположенныхъ на южной сторонѣ, одинъ округъ, центральный, называется Ан-

¹⁾ По англійскому переводу Leydene'a и Erskin'a: *Memoirs of Zehir-ed-din Muhammed Baber*. Lond. 1826 г.

²⁾ Едва ли стоить упоминать, что въ этомъ случаѣ Султанъ Баберъ ошибается.

дижаномъ и служить столицею Фергана ¹⁾. Онъ изобилуетъ зерномъ и фруктами; его виноградъ и дыни превосходны и урожайны. Во время созрѣванія дынь ихъ даже не принято продавать на поляхъ: всякій можетъ пользоваться ими даромъ. Нигдѣ нѣтъ такихъ напбаты (грушъ) ²⁾, какія рождаются въ Андижанѣ. Послѣ Самарканда и Кеша (древнее названіе Шахрисабза) во всемъ Маверанагрѣ нѣтъ крѣпости, равной по величинѣ Андижану. Городъ имѣетъ трое воротъ. Крѣпость его расположена на южной сторонѣ города. Мельничныхъ канавъ, которыми входитъ вода въ городъ, девять. Замѣчательно при этомъ, что вся вода, входящая въ городъ, не выходитъ изъ него вовсе (т.-е. вся разбирается). Вокругъ крѣпости, по краю ея рва, облицованнаго камнемъ, проходитъ широкая мощеная дорога, а за ней расположены предмѣстья города, окруженные валомъ, идущимъ вдоль этой дороги. Округъ изобилуетъ звѣрями и дичью. Говорятъ, что фазаны его такъ жирны, что кушаньемъ, приготовленнымъ изъ одного фазана, могутъ насытиться четыре человека, и кушанья все еще останется. Жители страны—тюрки; ни въ городѣ, ни въ селеніяхъ нѣтъ никого, кто бы не понималъ по-тюрки. Обыкновенная рѣчь народа такова, какъ и правильный книжный языкъ. Творенія Миръ-Али-Шира, прозваннаго Наваи, хотя онъ родился и процвѣталъ въ Гератѣ, написаны на этомъ нарѣчій. Жители замѣчательны своею красотою. Ходжа Юсуфъ, столь знаменитый своими познаніями въ музыкѣ, былъ уроженцемъ Андижана. Климатъ округа нездоровый; осенью господствуютъ лихорадки.

«Другой округъ есть Ушъ, расположенный къ юго-востоку, но болѣе на востокъ, отъ Андижана и отстоящій отъ сего послѣдняго на четыре фарсанга ³⁾ пути. При превосходномъ климатѣ, онъ обильно снабженъ текучими водами и чрезвычайно пріятенъ весною. Прелести Уша прославляются даже въ священныхъ преданіяхъ. На юго-восточной сторонѣ города возвышается прекрасной фигуры гора, по имени Бара-Когъ, на вершинѣ которой Султанъ Махмудъ-ханъ построилъ небольшой лѣтній домъ, а ниже его, на склонѣ холма, я выстроилъ въ 902 (1496—7) году обширный дворецъ съ колоннадою. Хотя первый расположенъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, однако же мною выстроен-

¹⁾ Теперь главный городъ ханства Коканъ, котораго тогда еще не было.

²⁾ Напбаты—груша, а не сортъ дынь, какъ думаютъ англійскіе переводчики.

³⁾ Фарсангъ, или, по-узбекски, ташъ (камень) бываетъ разной величины, вообще отъ 6-ти до 8-ми верстъ.

ный дворецъ гораздо пріятнѣе: изъ него видѣнъ весь городъ, разстилающійся внизу съ своими предмѣстями. Андижанская рѣка, окаймленная по обоимъ своимъ берегамъ смотрящимися въ воду садами, проходитъ черезъ эти предмѣстья и течетъ по направлению къ Андижану. Кромѣ нея, городъ обилень водою ручьевъ. Весною здѣсь растутъ въ изобиліи тюльпаны и розы, и особенно красивы фіалки. У подошвы горы Бара-Когъ, между ею и городомъ, расположена мечеть, называемая мечетью Джюза, а съ верху горы стремится большой и широкій потокъ воды. Ниже внѣшняго двора мечети разстилается прелестный, зеленѣющій лугъ—мѣсто всегдашняго отдыха путешественниковъ и прохожихъ и всегдашнихъ шутокъ простого народа, спускающаго на этотъ лугъ изъ сказанной рѣчки воду на спящихъ тамъ путниковъ ¹⁾. Въ означенной горѣ, въ послѣднихъ годахъ царствованія Омера-Шейхъ-Мирзы, была найдена порода очень красиваго, тонко-струистаго краснаго съ бѣлымъ цвѣта камня, изъ котораго выдѣлывались черенки для ножей, застѣжки для поясовъ и т. п. вещи. По здоровому климату и красотѣ положенія, во всей Ферганѣ нѣтъ мѣста, подобнаго Ушу.

«Къ западу отъ Андижана, въ разстояніи семи фарсанговъ, лежитъ небольшой округъ, Маргинанъ (т.-е. Маргеланъ), замѣчательный своими гранатами и абрикосами. Одна порода гранатъ, называемая «дона-калянъ» (большое зерно), сладкаго съ кислотою вкуса, превосходитъ гранаты Семнана. Жители знаютъ средство вынимать зерна изъ зердалю (абрикоса) и вставлять на ихъ мѣсто миндаль, послѣ чего плодъ засыхаетъ, и, такимъ образомъ приготовленный, бываетъ очень пріятнымъ на вкусъ и называется «сейхани». Всякаго рода дичь здѣсь также очень хороша; въ окрестностяхъ водятся дикія козы. Всѣ жители сарты, племя забіякъ, шумливое и буйное, извѣстное во всемъ Маверанагрѣ по своему самохвальству и склонности къ дракамъ. Самые извѣстные борцы Самарканда и Бухары—маргинанцы. Авторъ «Гидая» (т.-е. Шейхъ-Бурханъ-Эддинъ-Али) былъ уроженецъ селенія Рашданъ, маргинанскаго округа.

«Другой округъ—Асфера, лежащій къ юго-западу отъ Маргинана, въ разстояніи девяти фарсанговъ, у подошвы горъ, изоби-

¹⁾ Это мѣсто кажется англійскимъ переводчикамъ не совсѣмъ яснымъ. Но въ подлинникѣ (по изданію Ильминскаго), съ которымъ я сличалъ англійскій переводъ, оно совершенно понятно. Къ упомянутому лужку, какъ это и теперь всегда бываетъ, вѣроятно проведена была изъ горной рѣчки оросительная канава (арыкъ), временами запиравшаяся. Открытіемъ запора вода напускалась на лугъ.

луется горными потоками и красивыми садами, въ которыхъ особенно многочисленны миндальныя деревья. Жители его горцы и сарты. Среди небольшихъ горъ, къ юго-востоку отъ Асферы, находится каменная плита, называемая «сангъ-айна» (зеркальный камень), шириною въ 10 гязовъ ¹⁾ и высотой въ одномъ мѣстѣ—въ ростъ человѣка, а въ другомъ—въ его половину. Всѣ предметы видны въ ней, какъ въ зеркалѣ. Асфаринскій округъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, расположенныхъ у подошвы горъ. Одинъ есть собственно Асфера, другой—Варухъ, третій—Сухъ и четвертый Хушьяръ. Когда Могамедъ-Шейбани-Ханъ разбилъ Султана Махмудъ-хана и Улхи-хана ²⁾ и взялъ Ташкентъ и Шахрохию, я жилъ, около года, въ горахъ Суха и Хушьяра, въ большой крайности, и оттуда уже отправился въ Кабуль».

Затѣмъ Султанъ Баберъ даетъ столь же подробное описаніе находящагося нынѣ въ нашихъ предѣлахъ ходжентскаго округа, которое, какъ не относящееся къ дѣлу, я не перевожу, и перехожу къ слѣдующему затѣмъ округу.

«Канбадамъ, сосѣдній съ Ходжентомъ округъ, отстоящій отъ сего послѣдняго къ востоку на пять или на шесть фарсанговъ, не великъ по своимъ размѣрамъ, но очень красивъ. Его превосходнаго качества миндаль, отъ котораго этотъ округъ и получилъ свое названіе ³⁾, вывозится въ Индустанъ, Ормузь и другія страны. Между Канбадамомъ и Ходжентомъ тянется степь, называемая Хадервишъ, въ которой господствуетъ чрезвычайно рѣзкій и пронзительный вѣтеръ, дующій постоянно либо на востокъ, по направленію къ Маргинану, либо на западъ, по направленію къ Ходженту. Разсказываютъ, что нѣсколько дервишей, встрѣтивъ въ степи этотъ вѣтеръ, разбились по-одиночкѣ, не могли найти другъ друга и погибли, крича: ха, дервишъ, ха дервишъ. Отъ этихъ словъ означенная степь и получила свое названіе.

«Изъ округовъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Сейхуна, одинъ есть Акси, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Аксиката. Отъ него и поэтъ Асиръ-ед-динъ прозывается Аксикати. Послѣ Андижана городъ Акси, отстоящій отъ него на девять фарсанговъ къ западу, считается самымъ значительнымъ городомъ во всей Ферганѣ. Омеръ-Шейхъ-Мирза сдѣлалъ его своею столицею. Рѣка

¹⁾ Въ подлинникѣ *кары*, т.-е. величина распростертыхъ, перпендикулярно къ туловищу, рукъ человѣка.

²⁾ Въ подлинникѣ—Алача-ханъ.

³⁾ Кентъ—городъ, бадамъ—миндаль.

Сейхунъ течетъ подъ стѣнами городского кремля, стоящаго на высокой стремнинѣ, крутая рывина которой служить ему ровомъ. Когда Омеръ-Шейхъ-Мирза сдѣлалъ городъ своею столицею, онъ раза два эскарпировалъ эту рывину съ наружной стороны кремля. Акси — самая сильная крѣпость во всей Ферганѣ. Предмѣстья города отстоятъ отъ него нѣсколько далѣе, чѣмъ на законную мѣру. Поговорка — «гдѣ вашъ городъ и гдѣ ваши сады» ¹⁾ примѣняется къ Акси въ особенности. Дыни здѣсь превосходны, особенно одинъ ихъ сортъ, называемый «таймури»: такихъ дынь не существуетъ во всемъ мірѣ. Хотя бухарскія дыни также знамениты, но, послѣ взятія мною Самарканда, когда я приказалъ привезти дыни изъ Бухары и Акси, и подать ихъ на одномъ пиру, то эти послѣднія оказались безъ всякаго сравненія лучшими. Акси изобилуетъ также мѣстами для охоты съ собаками и соколами. Между городомъ и Сейхуномъ находится степь, въ которой водятся дикія козы, а въ мѣстности, лежащей въ сторону Андижана и покрытой гребеньщикомъ, встрѣчается много сайгъ, мараловъ, фазановъ и зайцевъ, чрезвычайно жирныхъ.

«Другой округъ на сѣверѣ Сейхуна, Касанъ — незначителенъ по своимъ размѣрамъ. Какъ андижанская рѣка течетъ отъ Уша, такъ точно аксуйская рѣка идетъ отъ Касана. Климатъ Касана чрезвычайно хорошій, сады его очень красивы, и такъ какъ всѣ они расположены вдоль рѣки, по низменностямъ ея береговъ, то мѣстность эта носитъ названіе «пуштинъ-пишъ-бурра» (т.-е. шуба изъ пяти барашковъ) и служитъ предметомъ спора между жителями Касана и Уша относительно красоты и климата ихъ округовъ.

«На доходы Ферганы, безъ отягощенія страны, можно содержать три или четыре тысячи человѣкъ войска».

Къ этому, замѣчательному по времени и личности автора, описанію Ферганы, или нынѣшняго Коканскаго ханства, можно прибавить только одно, что послѣ трехъ съ половиною вѣковъ, прошедшихъ со времени написанія означенныхъ записокъ, и послѣ десятилѣтняго, со времени занятія Ташкента, близкаго сосѣдства нашего съ Коканскимъ ханствомъ, мы знаемъ о немъ едва-ли не болѣе того, что передалъ намъ о своей родинѣ, въ живыхъ и художественныхъ очеркахъ, умный и любознательный азіатецъ. Самыя ошибки Бабера, какъ, напримѣръ, объ исчезновеніи

¹⁾ Города въ Средней Азіи состоятъ обыкновенно изъ самаго города и окружающихъ его садовъ. Въ Акси, какъ видно, все это было перемѣшано."

Сыр-Дарьи въ пескахъ за Туркестаномъ, и нѣкоторое, извинительное впрочемъ, преувеличеніе при описаніи природы и красотахъ своей родины, вполне окупаются подробностію и ясностію описаній, разнообразіемъ замѣченнаго, картинностію очерковъ. Въ этомъ отношеніи Султанъ Баберъ далеко оставляетъ за собою даже многихъ новѣйшихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ одного наблюдательнаго русскаго, который, посѣтивъ не давно Кашгаръ, сумѣлъ замѣтить въ немъ только одно: что «канцелярскій порядокъ Якубъ-Бека находится на весьма низкой степени развитія, и потому есть большое основаніе предполагать, что отпусковъ съ исходящихъ бумагъ у него при дѣлахъ не оставляется».

Записки Султана Бабера, нашедшія себѣ прекрасныхъ переводчиковъ у англичанъ и французовъ, къ стыду нашему, на русскій языкъ до сего времени не переведены. Если бы, вмѣсто изданія для туземцевъ газетъ на сартовскомъ и киргизскомъ нарѣчіяхъ и разныхъ никуда не годныхъ календарей, въ которыхъ мы высокоумно просвѣщаемъ туземцевъ о томъ, что перламутръ есть камень и что въ «Парансіи (т.-е. Франціи) есть «Тиръ» (т.-е. Тьеръ), а у насъ городъ «Кильсункипарса» (т.-е. Гельсингфорсъ), мы перевели и издали бы записки Бабера, то полагаю, что такое дѣло было бы несомнѣнно полезнѣе, во многихъ отношеніяхъ, водворенію киргизской прессы въ степяхъ Средней Азіи.

О населеніи Коканскаго ханства я не намѣренъ говорить здѣсь и именно потому, что общій характеръ двухъ главныхъ народностей, населяющихъ Среднюю Азію, узбековъ и таджиковъ, уже достаточно извѣстенъ изъ разныхъ сочиненій и между прочимъ изъ весьма хорошей статьи Гребенкина ¹⁾, а частныя особенности этихъ народностей, живущихъ собственно въ Коканскомъ ханствѣ, пока совершенно неизвѣстны. Могу съ своей стороны прибавить только одно, что, по своему географическому положенію на крайнемъ мусульманскомъ востокѣ, между язычниками китайцами, занимавшими нынѣшній Кашгаръ, горными племенами, плохими мусульманами, и киргизами, почти немусульманами, Коканское ханство не имѣло возможности, или еще не успѣло, сложиться по тому типу мусульманскаго общества и государства, рельефное проявленіе котораго мы видимъ въ Бухарѣ. Поэтому въ коканскомъ народѣ, какъ я могъ замѣтить, гораздо меньше той фальши, скрытности, лицемерія, угодничества, напускной набожности и т. п., которыя особенно рѣзко

¹⁾ „Узбеки и Таджики“, въ Туркестанскомъ сборникѣ.

проявляются въ характерѣ бухарцевъ. Въ дѣлахъ религіи коканецъ, хотя, повидимому, и менѣе набоженъ, чѣмъ бухарецъ, но за то гораздо искреннѣе и вѣротерпимѣе сего послѣдняго; въ общественныхъ сношеніяхъ онъ честнѣе, прямѣе и откровеннѣе бухарца. Въ частной жизни онъ менѣе деспотъ, болѣе семьянинъ и вообще гораздо сердечнѣе и добродушнѣе бухарца. Словомъ, въ немъ менѣе того, что сарты такъ удачно характеризуютъ словомъ «піасдакъ» (какъ лукъ), т.-е. той особенности, что сколько разъ ни узнавай сарта, въ немъ, подобно обнажаемой луковицѣ, всегда остается нѣчто скрытое, которое нужно опять узнавать. Этими характерными особенностями населенія Коканскаго ханства объясняются, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ ханствѣ этомъ, вообще говоря, почти не существовало рабства или, по крайней мѣрѣ, не было той открытой и беззастѣнливой продажи людей на базарѣ, которая еще очень недавно существовала, а можетъ и теперь еще существуетъ въ Бухарѣ, и которую я самъ видѣлъ... Конечно, все мною сказанное о коканцахъ должно пониматься относительно, по сравненію съ другими среднеазіатцами, и мѣрится на мусульманскую, а не европейскую мѣрку.

Историческія свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ, какъ всѣ вообще историческія свѣдѣнія азіатцевъ, весьма шатки и неопредѣленны. Никакихъ записей, лѣтописей, а тѣмъ болѣе историческихъ сочиненій, въ ханствѣ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, не существовало и не существуетъ. Все немногое, что мы знаемъ объ его исторіи—было добыто изъ сочиненій нѣсколькихъ лицъ, посѣщавшихъ ханство, изъ разсмотрѣнія его монетъ и изъ распросовъ туземцевъ. Послѣдній источникъ—самый главный—далъ наибольшее количество историческихъ свѣдѣній о ханствѣ, но, къ сожалѣнію, къ свѣдѣніямъ этимъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ потому, что въ Средней Азіи лица, даже болѣе или менѣе образованныя (въ мусульманскомъ смыслѣ), бывшія не только очевидцами, но и участниками извѣстныхъ событій, сплошь и рядомъ не въ состояніи разсказать о нихъ, не перепутавъ временъ, мѣстъ, лицъ и обстоятельствъ, или не украсивъ своего разсказа какими-нибудь вымыслами и небылицами. О болѣе древнихъ временахъ и говорить нечего: тутъ одинъ отвѣтъ на всѣ вопросы: «кадымъ замандà», т.-е. это было въ древнее время—нѣчто въ родѣ нашего «при царѣ Горохѣ». На этомъ обстоятельствѣ стоить нѣсколько остановиться. Наблюдая въ настоящее время населеніе Средней Азіи, весьма трудно соста-

вить себѣ, изъ этихъ непосредственныхъ наблюденій, осязательную картину его прошлой жизни. Есть у него, правда, грандіозныя архитектурныя памятники и своеобразныя поэтическія сказанія, свидѣтельствующіе о бывшей у него когда-то совершенно иной, чѣмъ нынѣ, жизни, но на этомъ и кончается вся связь прошлаго съ настоящимъ. Теперешнее населеніе Средней Азіи до такой степени чуждо всѣмъ остаткамъ своего прошлаго, такъ далеко стоитъ отъ него по своему складу жизни, развитію, образованію и т. п., что непосредственному наблюдателю рѣшительно невозможно прослѣдить въ своемъ воображеніи историческую жизнь среднеазіатскихъ народовъ, связать ея начало съ концемъ. Ему не вѣрится, напримѣръ, чтобы эти, тонуція теперь среди лачугъ и грязи, величественныя и изящныя зданія, на которыя нынѣшнее населеніе смотритъ съ такимъ же безучастнымъ любопытствомъ, какъ и онъ самъ, были воздвигнуты нѣкогда не другимъ какимъ-нибудь народомъ, а предками того же самаго населенія, и чтобы это невѣжественное, трусливое, льстиво-угодливое населеніе торгашей-«халатниковъ» было потомками сильнаго и по-своему образованнаго народа. — Въ общей причинѣ равнодушія среднеазіатскаго населенія къ своему прошлому, объяснить которое можно развѣ тѣмъ, что самъ народъ никогда не жилъ историческою жизнью, что всѣ эти памятники не его, а его властителей, и напоминаютъ ему не годы народной славы, а страданія и притѣсненія, — скрывается и частная причина: забвеніе своей исторіи. За то, среди такого круглаго историческаго невѣжества и отсутствія всякой любознательности относительно событій своего прошлаго, съ какимъ удовольствіемъ останавливаешься передъ тѣми, немногими и рѣдкими, къ сожалѣнію, личностями въ Средней Азіи, которыя, какъ напримѣръ бывший шахрисябзкій бекъ Джурабекъ, не только обстоятельно расскажутъ всякому желающему фактическую сторону того, что они видѣли и знаютъ, но и дадутъ еще, иногда своеобразное, но всегда интересное, подкрѣпленное ссылками на прошедшее, объясненіе внутренняго смысла событій.

Не желая уподобиться извѣстному путешественнику по Средней Азіи и историку Бухары, Арминію Вамбери, написавшему свое сочиненіе — какъ доказано проф. В. В. Григорьевымъ въ его превосходномъ разборѣ ¹⁾ этой исторіи—безъ знакомства съ самыми существенными источниками, я не беру на себя смѣлости излагать здѣсь древнюю исторію Ферганы, а ограничусь только

¹⁾ Жур. М. Н. II. 1873 г.

ближайшими къ намъ временами, свѣдѣнія о которыхъ разсѣяны въ разныхъ, иногда трудно доступныхъ, сочиненіяхъ, и получены мною самимъ отъ туземцевъ Средней Азіи.

Основателемъ управлявшей до сего времени Коканскимъ ханствомъ династіи считается *Нарбута-Бій*, изъ узбекскаго рода Мингъ, бывшій, какъ мнѣ передавали туземцы, старшимъ аксакаломъ г. Кокана и потомкомъ какого-то *Чумачъ-Бія*. Этого Нарбута-Бія, управлявшаго Коканомъ, по разсказу спутника англійскаго путешественника Муркрофта, Миръ-Иссеть-Уллы ¹⁾, въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, съ 1770 по 1800 г., Я. Ханыковъ ²⁾ отождествляетъ съ Ханъ-Ходжею, упоминаемымъ въ путешествіи въ Ташкентъ Поспѣлова и Бурнашева ³⁾, полагая, что имя Ханъ-Ходжа было только титуломъ Нарбуты. Чумачъ же Бій (изъ моихъ свѣдѣній) провидится въ имени Джамчи-Бія, котораго Ханыковъ ⁴⁾ называетъ отцомъ Нарбуты и потомкомъ Султана Бабера. Въ «Обозрѣніи Коканскаго Ханства въ нынѣшнемъ его состояніи» ⁵⁾ отцомъ Нарбуты названъ Абдрахманъ-Батырь, владѣтель г. Исфары, убитый владѣтелемъ г. Кокана Эрдане-Бекомъ, убитымъ, въ свою очередь, Нарбутой въ отмщеніе за смерть отца. Какъ бы то ни было, но про основателя нынѣшней династіи коканскихъ хановъ, Нарбута-Бія, разсказывается, что онъ провелъ всю свою жизнь въ войнахъ съ сосѣдями и постепенно покорилъ Андиджанъ, Наманганъ, Ушъ, Ходжентъ и другія, прилегавшія къ его владѣнію, мѣстности, составлявшія въ то время отдѣльныя и независимыя области. Впрочемъ, были ли покорены эти области именно Нарбутой — сказать трудно, такъ какъ исторія всѣхъ среднеазіатскихъ ханствъ и въ томъ числѣ Коканскаго (до самыхъ послѣднихъ дней) даетъ много примѣровъ тому, что область, завоеванная какимъ-нибудь однимъ ханомъ, становится независимою при его преемникѣ или отходитъ къ другому какому-нибудь хану и вновь завоевывается прежнимъ владѣтелемъ. Взаимные набѣги и войны были такъ часты въ исторіи Коканскаго ханства, что, при недостаткѣ точныхъ свѣдѣній, весьма трудно опредѣлить, когда именно совершилось окончательное присоединеніе къ нему той или другой области. Несомнѣннымъ остается только одинъ фактъ, — что во всѣхъ этихъ войнахъ и набѣгахъ успѣхъ былъ, по преимуществу,

¹⁾ Travels in Central Asia. Calcutta. 1872 г.

²⁾ Вѣст. И. Р. Г. О. 1851 г. ч. 1-я, кн. 1-я.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Труды Вост. Отд. И. Арх. Об. ч. 2-я, стр. 119.

⁵⁾ Записки Рус. Геогр. Общ. 1849 г., кн. III.

на сторонѣ коканцевъ, вслѣдствіе чего Коканское ханство, въ продолженіе шестидесяти-пяти лѣтъ своего существованія (отъ Нарбуты до встрѣчи съ русскими), постоянно и весьма быстро разрослось. Относительно послѣднихъ годовъ жизни Нарбуты свѣдѣнія разнорѣчивы: по однимъ оказывается, что въ 1799 г. онъ ходилъ войною на Ташкентъ, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и въ 1800 г. казненъ въ Ташкентѣ; по другимъ — что онъ умеръ естественною смертію вскорѣ послѣ завоеванія Ходжента, передавъ власть старшему сыну своему (а по другимъ свѣдѣніямъ — брату), Алимъ-хану. Въ «Обозрѣніи Коканскаго Ханства» ¹⁾, между прочимъ, говорится, что при походѣ Нарбуты на Ходжентъ защитникомъ этого города былъ Ура-Тюбинскій владѣтель Худояръ-Бекъ. Внукъ этого послѣдняго, Абуль-Гафаръ-Бекъ, потерявшій въ послѣдній разъ свое бекство послѣ штурма Ура-Тюбе русскими войсками 2-го октября 1866 г., рассказалъ мнѣ много интереснаго объ исторіи своего бекства, бывшаго, почти ежегодно, яблокомъ раздора между Бухарой и Коканомъ. Исторія этой борьбы бросаетъ свѣтъ и на событія, происходившія въ самомъ Коканскомъ ханствѣ. По словамъ Абуль-Гафара, во время ханствованія Нарбуты въ Коканѣ владѣтелемъ Бухары былъ Абуль-Фейзъ-ханъ, Шахрисабза — Бекъ Назаръ, Гиссара — Мухамедъ-Алимъ и Ура-Тюбе — Фазиль-Бій, умершій въ Самаркандѣ отъ ранъ шахрисабзкаго похода, а послѣ него — сынъ его, вышеупомянутый Худояръ. Во время правленія Фазили, Нарбута-Бій коканскій, и Рахимъ-ханъ бухарскій, приходили съ войскомъ подъ Ура-Тюбе, но не могли его взять и отступили. Вслѣдъ за отступившими коканцами погнался сынъ Фазили, Худояръ, настигъ ихъ, разбилъ, вырѣзалъ 20 т. человекъ и изъ головъ ихъ сложилъ въ Ура-Тюбе пирамиду. — Преемникъ Нарбуты, старшій сынъ его Алимъ-ханъ, продолжалъ идти по стопамъ своего отца. При немъ Коканское ханство, какъ можно предполагать, увеличилось если не совершеннымъ приобрѣтеніемъ, то подчиненіемъ себѣ новыхъ областей и, кажется, въ ихъ числѣ Ташкента (въ 1803 или 1805 году). Исторія этого времени лучше всего рисуется въ судьбахъ Ура-тюбинскаго бекства, о которомъ, благодаря рассказамъ Абуль-Гафара, мы знаемъ нѣсколько больше, чѣмъ объ исторіи сосѣдняго съ нимъ Кокана. По словамъ рассказчика, по смерти его отца, Худояра, Ура-тюбинское бекство досталось брату Худояра, Баба-Беку Валями. Сынъ же Худояра, Бекъ-Мурадъ-Бекъ, братъ рассказчика, былъ пра-

¹⁾ См. выше.

вителимъ Ходжента. Желая завладѣть Ура-Тюбе, Бекъ-Мурадъ-Бекъ обратился съ просьбою о помощи къ ташкентскому беку Юнусъ-Ходжѣ ¹⁾ и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько дней осаждалъ Ура-Тюбе, но взять его не смогъ и отступилъ. Въ отмщеніе за это нападеніе, Баба-Бекъ, владѣтель Ура-Тюбе, и Омаръ-ханъ, второй сынъ Нарбуты-Бія коканскаго, прогнали Бекъ-Мурадъ-Бека изъ Ходжента. Вскорѣ потомъ онъ явился къ Баба-Беку съ повинною, но какъ только былъ прощенъ, тотчасъ же убилъ своего дядю, за что и самъ былъ убитъ дѣтьми Баба-Бека въ Самаркандѣ, куда онъ былъ вызванъ эмиромъ Саидомъ бухарскимъ. Въ заключеніе всей этой рѣзни старшій сынъ Нарбуты Бія, Алимъ, въ то время бывшій уже коканскимъ ханомъ, явился въ Ура-Тюбе съ войскомъ, присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ и поставилъ тамъ своего правителя, коканца Махмудъ-Аталыка. Но на этомъ дѣло не остановилось. Нѣкто Махмудъ-ханъ, племянникъ по матери Худояра-Бека, назначенный эмиромъ Саидомъ бухарскимъ правителемъ Санзара, пожелалъ захватить Ура-Тюбе для себя. Послѣ неудачнаго похода Алимъ-хана подъ Джизакъ, Махмудъ явился изъ Санзара и взялъ Ура-Тюбе. Случилось это въ послѣднихъ дняхъ ханствованія Алима. Преемникъ его Омаръ поймалъ Махмудъ-хана, отправилъ его въ Коканъ, а въ Ура-Тюбе назначилъ своего правителя Раджапъ-Гальчи. Но черезъ три мѣсяца отецъ рассказчика, Маараимъ-Аталыкъ, правитель Пишагара, подчинивъ себѣ Зааминъ, вновь овладѣлъ Ура-Тюбе.—Я нарочно привелъ этотъ сухой рассказъ, чтобы дать понятіе, какъ жили, еще очень недавно, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, среднеазіатскіе владѣтели и какъ слагалось Коканское ханство. Чтò происходило въ Ура-Тюбе, то повторялось и съ другими бекствами. Разницы почти не было.—Живя въ Ташкентѣ, для устройства завоеванной провинціи, Алимъ-ханъ узналъ, что противъ него составилъ заговоръ, имѣющій цѣлю лишить его жизни и передать власть родному его брату Омару, второму сыну Нарбуты. Долго медля принять рѣшительныя мѣры противъ заговорщиковъ, отправился наконецъ Алимъ-ханъ съ небольшимъ отрядомъ въ Коканъ, но въ ущельѣ Кендыръ-Тау былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья, посланнаго къ нему на встрѣчу джигита Омара, а по моимъ свѣдѣніямъ—былъ зарѣзанъ Майданъ-Юлдашемъ, приверженцемъ Омара, желавшимъ угодить этимъ своему господину. Сказанное происшествіе случилось въ 1810 или 1812 году. По убіеніи Алимъ-хана власть надъ Ко-

¹⁾ При немъ въ Ташкентѣ были наши Поспѣловъ и Бурнашевъ.

каномъ перешла къ его родному брату и виновнику его убійства Омару, ханствованіе котораго отличалось тѣмъ же характеромъ, какъ и его предшественниковъ, т.-е. постепеннымъ расширеніемъ своихъ владѣній. Во время правленія этого хана была завоевана, между прочимъ, Туркестанская область съ ея священнымъ у мусульманъ городомъ Азретомъ (Туркестаномъ) ¹⁾.—Омаръ-ханъ, умершій въ 1822 г., какъ кажется, былъ одинъ изъ любимыхъ народомъ хановъ. Мнѣ помнилось одно, очень распространенное въ Коканѣ, двустипіе, въ которомъ съ особенною теплотою и любовью говорится объ Омаръ-ханѣ. Преемникомъ Омара былъ старшій сынъ его Магометъ-Али (въ просторѣчїи Мадали)-ханъ. Разнообразное по событіямъ правленіе этого хана намъ извѣстно гораздо болѣе, чѣмъ всѣ предшествующія. При Мадали-ханѣ, едва ли не въ первый разъ, обнаружилась въ Коканскомъ ханствѣ та борьба за господство и власть между двумя партіями—кочевниковъ-тюрковъ и осѣдлыхъ сартовъ—которая составляетъ главную характеристическую черту въ исторіи этого ханства за послѣднее время. Слѣдствіемъ этой борьбы были гибель самого Мадали-хана, безконечныя убійства и страшная рѣзня кочевниковъ при первомъ ханствованіи Худоюра, убійство Малля-хана, смуты во время прихода русскихъ въ Среднюю Азію и, наконецъ—нынѣшнія событія въ ханствѣ и бѣгство Худоюра-хана въ наши предѣлы.

Мадали-ханъ началъ свое правленіе тѣмъ, что выслалъ за границу многихъ родственниковъ своихъ, навлекшихъ на себя его подозрѣніе. Та же участь готовилась и младшему его брату, Султану Махмуду, успѣвшему однакожь въ-время скрыться изъ Кокана въ Шахрисабзъ, гдѣ онъ женился на дочери владѣтеля этого бекства и, сдѣланный въ послѣдствіи правителемъ принадлежащаго Бухарѣ Урамитана, постоянно поджигалъ бухарскаго эмира къ войнѣ съ Коканомъ. Я не стану рассказывать здѣсь о войнѣ Мадали съ китайцами въ Кашгарѣ, въ которой онъ поддерживалъ противъ сихъ послѣднихъ прежнихъ, мусульманскихъ, вла-

¹⁾ Въ мечети г. Туркестана хранятся останки популярнѣйшаго святого Средней Азіи, Ходжа-Ахметъ-Ясави. При этомъ не лишнимъ замѣтить, что въ мусульманскомъ мірѣ есть, такъ сказать, святыя аристократическіе и демократическіе, святыя ишановъ и мулъ, и святыя простого народа. Первыми полны Самаркандъ и Бухара, ко вторымъ принадлежитъ, между прочими, Ходжа-Ахметъ-Ясави. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, плохо понимаемъ это различіе. Какія-нибудь крохи на поправленіе мечети Ясави привлекли бы къ намъ гораздо больше сердца народа, чѣмъ пожертвованія, напримѣръ, на мазаръ Тимура, на половину украденное святыми блюстителями его праха.

дѣтелей Кашгара, а также о походахъ его въ Каратегинъ, Кулябъ, Дарвазъ, Шугнанъ, окончившихся присоединеніемъ этихъ горныхъ владѣній къ территоріи Кокана; я останавлиюсь только на войнѣ Мадали съ Бухарой, такъ какъ поводомъ къ этой войнѣ были внутреннія событія Коканскаго ханства, а слѣдствіемъ—паденіе и убіеніе Мадали и продолжительныя смуты, тянувшіяся, съ небольшими перерывами, до самаго прихода въ Среднюю Азію русскихъ. Рассказываютъ, что первые годы ханствованія Мадали-хана отличались дѣятельностію и благоразуміемъ, но потомъ, въ 1840 году, послѣ казни главнаго совѣтника хана мингбашія (т.-е. тысяченачальника или главнаго лица ханства), Хаккъ-кулы, все круто измѣнилось: ханъ пересталъ заниматься дѣлами и проводилъ все свое время въ гаремѣ. Результатомъ такого положенія дѣлъ явились страшныя злоупотребленія въ управленіи, общее недовольство и, наконецъ, заговоръ противъ хана вліятельныхъ лицъ ханства, желавшихъ избрать себѣ другаго хана и пригласившихъ для этого къ себѣ на помощь бухарскаго эмира съ вспомогательнымъ войскомъ. Эмиръ Нассрулла, давно уже искавшій предлога къ походу на Коканъ, съ которымъ онъ за это время уже не разъ воевалъ и мирился, съ радостію принялъ приглашеніе, и въ 1842 г., явился подъ стѣнами Кокана, оправдывая свой приходъ яко бы наказаніемъ Мадали за то, что онъ женился на своей родной мачихѣ. Вслѣдъ затѣмъ Коканъ былъ занятъ, Мадали и часть его семейства убиты, а все Коканское ханство присоединено къ бухарскимъ владѣніямъ, подъ управленіемъ намѣстника. Разумѣется, при этомъ переворотѣ, какъ всегда бываетъ въ Средней Азій, дѣло не обошлось безъ грабежа и всяческихъ насилій: эмиръ отдалъ городъ на разграбленіе, и четыре дня предавались его воины всякимъ неистовствамъ и буйствамъ въ добровольно отдавшемся имъ городѣ. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла въ Коканѣ, возвратился торжествующій эмиръ домой, въ Бухару, но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что все его недавнее завоеваніе потеряно. Освободителями Коканскаго ханства явились кипчаки, которые съ этого времени и пріобрѣли, на долгое время, первенствующую роль въ ханствѣ. Приглашенные жителями Кокана освободить ихъ отъ бухарскаго владычества, кипчаки, во главѣ со скрывавшимся у нихъ родственникомъ Мадали-хана, Ширъ-Али, тотчасъ же двинулись къ Кокану, избили бухарцевъ и провозгласили Ширъ-Али ханомъ. Узнавъ о случившихся въ Коканѣ происшествіяхъ, эмиръ Нассрулла, осенью того же 1842 года, вновь отправился войною на Коканъ, но на этотъ разъ по-

ходъ былъ безъ успѣха: одинъ изъ кипчаковъ, по имени Мусульманъ-кулъ, а по прозвищу Чулакъ, т.-е. калѣка, бывшій при Мадали-ханѣ юзбаши (сотникъ), съумѣлъ вкратъ въ довѣріе Нассруллы и обмануть его. Получивъ отъ сего послѣдняго позволеніе поѣхать въ Коканъ и уговорить жителей сдаться, Мусульманъ-кулъ, напротивъ того, началъ убѣждать коканцевъ биться до послѣдней капли крови. Совѣтъ былъ принятъ, средства обороны усилены, вылазки начали повторяться безпрестанно, и, послѣ сорока дней осады, эмиръ Нассрулла, испуганный извѣстіемъ о составившемся противъ него заговорѣ и о нападеніи хивинцевъ на пограничныя бухарскія селенія, принужденъ былъ снять осаду Кокана и возвратиться въ Бухару. Съ удаленіемъ бухарцевъ миръ и тишина водворились въ Коканскомъ ханствѣ. Ширъ-Али-ханъ, въ то время довольно пожилой уже человекъ, оказался правителемъ добрымъ и кроткимъ ¹⁾. Онъ носилъ прозвище «пустякъ» (т.-е. мѣховой коврикъ для обтирки ногъ, а въ переносномъ смыслѣ — тряпка), и всѣ вліятельные кипчаки, само собою разумѣется, заняли всѣ государственныя должности и взяли въ свои руки все управленіе ханствомъ. Такъ продолжалось дѣло до 1845 года, когда нѣкто Муратъ, сынъ поименованнаго выше Алимъ-хана (а не Ходжи-Бія, какъ находится въ большинствѣ русскихъ извѣстій), скитавшійся до того времени въ Шахрисябзѣ, Хивѣ и Бухарѣ, подстрекаемый эмиромъ Нассруллой, явился съ бухарскимъ отрядомъ въ Коканъ, убилъ Ширъ-Али и провозгласилъ себя намѣстникомъ эмира. Муратъ владѣлъ Коканомъ всего нѣсколько дней — до прихода отлучавшагося въ это время въ Наманганъ Мусульманъ-кула. — Для пониманія дальнѣйшихъ событій ханства, необходимо знать, что послѣ Ширъ-Али-хана, отъ двухъ его женъ, осталось пять сыновей: Сарымсакъ, Суфи-Бекъ, Малля-Бекъ, Худояръ и Султанъ Муратъ. Узнавъ о случившемся въ Коканѣ переворотѣ, Мусульманъ-кулъ, захвативъ съ собою Худояра, который былъ въ то время правителемъ Намангана, немедленно двинулся къ Кокану, ворвался въ городъ, казнилъ Муратъ-хана

¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ и поэтомъ. Вотъ одно изъ стихотвореній, характеризующее его музу:

Адатъ булдырь ханляръ чикса ягмуръ ягаръ;

Санъ на ханъ санъ? юлга чиксангъ халкъ кузинданъ канляръ ягаръ.

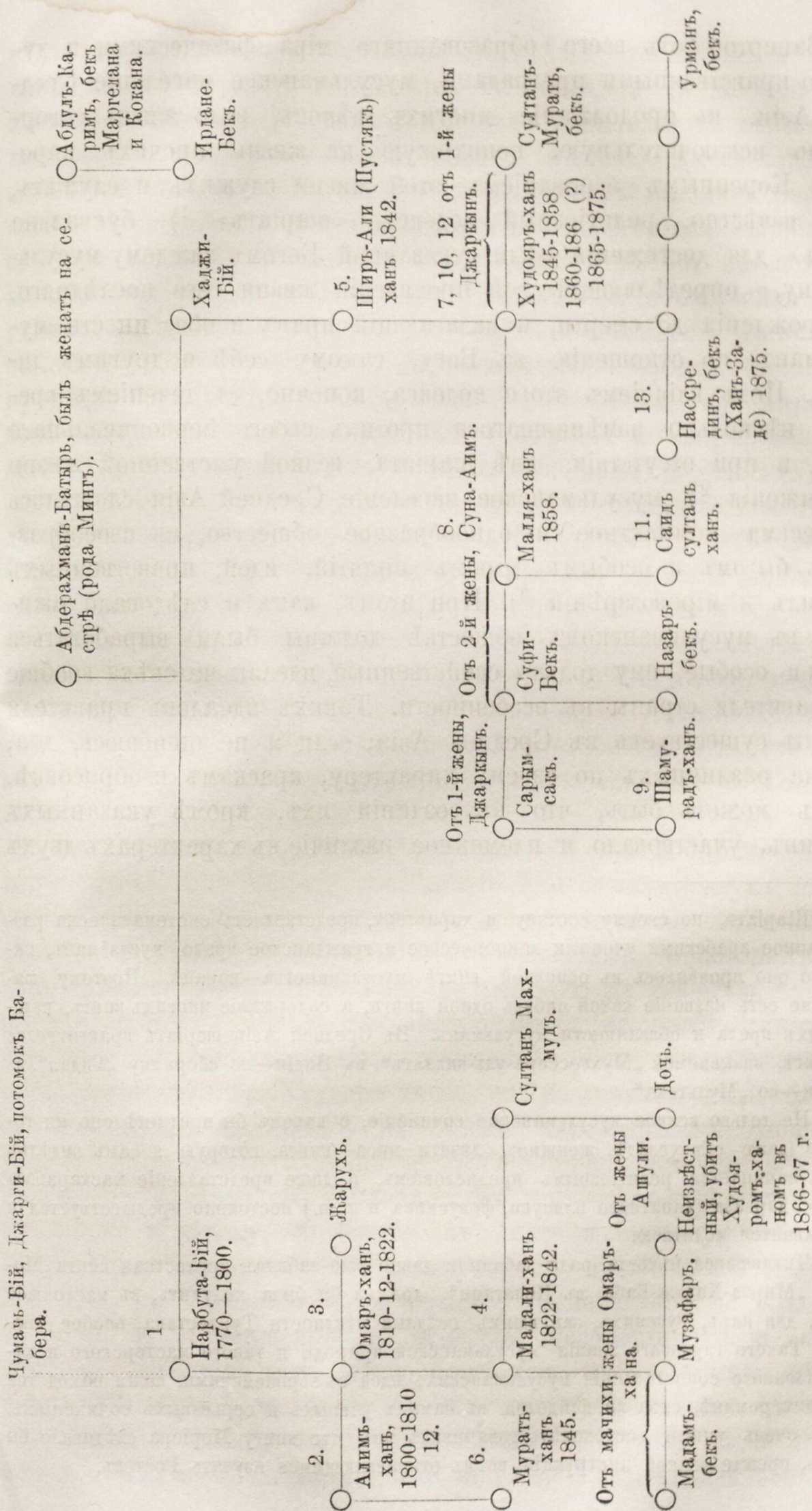
Т.-е., повѣріе таково: если ханы со двора выходятъ, дождь идетъ (т.-е. благополучіе льется); ты что за ханъ? если ты со двора выходишь, изъ глазъ народа кровь льется.

и поставилъ на ханство Худояра. Затѣмъ, зная о намѣреніи Сарымсака, управлявшаго тогда Ташкентомъ, заступитъ мѣсто своего отца, онъ измѣннически пригласилъ его въ Коканъ и на дорогѣ, между этимъ городомъ и Ташкентомъ, приказалъ убить его своимъ людямъ. Съ этого времени, т.-е. съ перваго ханствованія Худояра (1845 г.) до 1853 г., началось въ Коканѣ исключительное господство кипчакской партіи. Пользуясь молодостію хана, которому въ то время было не болѣе 16-ти лѣтъ, Мусульманъ-куль управлялъ ханствомъ почти самовластно. Разсказываютъ, впрочемъ, что правленіе его, называемое противною, сартовскою, партіею страданіемъ подъ игомъ кипчаковъ, вовсе не было дурнымъ для народа, ибо строгій и суровый Мусульманъ-куль былъ, по-своему, довольно справедливымъ правителемъ и хорошимъ хозяиномъ ханства. Все несчастье его управленія заключалось не въ немъ самомъ, а въ общей, издавна существовавшей ненависти къ кипчакамъ и вообще къ кочевникамъ осѣдлой сартовской партіи, состоявшей въ большинствѣ изъ таджиковъ, болѣе образованной и развитой (въ мусульманскомъ смыслѣ) и болѣе развращенной. Видѣть себя въ рукахъ кочевниковъ чуждаго племени, грубыхъ и мало развитыхъ, плохихъ мусульманъ, — было для этой партіи верхомъ униженія. Взаимная ненависть, вызываемая обоюдными оскорбленіями и насиліями, росла ежегодно и, благодаря сартовскому характеру самого хана, о которомъ будетъ сказано ниже, окончилась казнію Мусульманъ-кула и страшною рѣзнёю кипчаковъ, варөөломеевскою ночью Средней Азіи. Настало господство сартовъ, продолжавшееся до 1858 г., до перваго бѣгства Худояра. Время самостоятельнаго управленія Худояра съ его любимцами, сартами, отличалось тѣми же чертами, какъ его послѣднее ханствованіе — нестѣсняемыми никакой опекой удовольствіями въ мусульманскомъ родѣ, притѣсненіями народа и полнымъ отсутствіемъ вниманія къ его нуждамъ и потребностямъ. Между тѣмъ, съ сѣвера двигалась новая, невѣдомая еще сила, русскіе, забирая, пока медленно, но прочно, нижнее теченіе Сыръ-Дарьи. Важности и значенія этого движенія Худояръ-ханъ, конечно, понять не могъ, а тѣмъ болѣе не могъ предвидѣть его послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, не безъ основанія опасаясь русскихъ, онъ послалъ управлять Ташкентомъ и наблюдать за русскими брата своего Малля-хана, который, считая себя болѣе законнымъ, чѣмъ Худояръ, наслѣдникомъ Коканскаго ханства, съумѣлъ, съ помощью кочевниковъ, устроить свое дѣло такъ, что въ одинъ прекрасный день торжественно объявилъ себя ханомъ, возмутился противъ своего младшаго

брата, нà-голову разбилъ высланное противъ него войско и овладѣлъ Коканомъ. Худояръ бѣжалъ въ Бухару къ эмиру Нассрул-лѣ, а потомъ переселился въ Джизакъ и занялся болѣе скромными занятіями—торговлею и каракешествомъ (т.-е. поставкою верблюдовъ, извозничествомъ). Малля-ханъ и вновь возродившаяся партія кочевниковъ съ новымъ ея предводителемъ, кипчакомъ Алимъ-куломъ, извѣстнымъ борцомъ съ русскими, убитымъ за нѣсколько времени передъ штурмомъ Ташкента, властвовали не долго, около двухъ лѣтъ. По зависти ли къ Алимъ-кулу, пользовавшемуся огромнымъ вліяніемъ на хана, или по какой-нибудь, неизвѣстной еще причинѣ, но лица это же самой партіи, кипчаки: Чотанъ пансадъ, (пятидесятникъ), Рисали пансадъ, Хыдыръ-Али ишикъ-агаси (букв. начальникъ дверей, камергеръ), и ташкентцы: Худай-Назаръ и Шадыманъ Ходжа, составили противъ хана заговоръ, и въ одну ночь, когда ханъ (по разсказу его доктора, моего знакома Ассадулабека, живущаго теперь въ Ташкентѣ), выпивъ на ночь одуряющаго напитка изъ маковыхъ головокъ (кукнара), отправился спать, ворвались въ его спальню (предварительно заперевъ доктора въ его комнатѣ) и изрубили его саблями, избравъ, на другой день, ханомъ 16-ти-лѣтняго юношу Шамурата, сына упомянутаго выше Сарымсака, старшаго брата Малля-хана. Дальнѣйшій разсказъ я приведу со словъ очевидца, вышеуказаннаго доктора Ассадулабека и жены Малля-хана, Джанеттъ, также живущей теперь въ Ташкентѣ. Тотчасъ послѣ сказанныхъ происшествій правитель Туркестана Канаатъ-шà, а также и убійца Малля-хана, Шадыманъ Ходжа, возвратившійся въ Ташкентъ, написали письма въ Джизакъ къ Худояръ-хану и обѣщали возвратитъ ему ханство. Худояръ тотчасъ же явился добывать ханство, но пришелъ безъ войска и даже безъ приближенныхъ. Все предвѣщало продолжительныя смуты. Лицомъ къ лицу становились двѣ издавна враждебныя партіи, съ равною силою и равнымъ значеніемъ: съ одной стороны Худояръ, надежда партіи сартовской, съ другой—Шамуратъ или, вѣрнѣе, Алимъ-кулъ съ кипчаками. Дѣйствія начались со стороны послѣднихъ. Объявивъ поголовное ополченіе (кыль-куйрюкъ), Шамуратъ-ханъ двинулся къ Ташкенту съ огромнымъ войскомъ, въ числѣ котораго находились, между прочимъ, и убійцы Малля-хана. Однакожъ, несмотря на многочисленность войска, ярость приступовъ, отважность предводителей, Ташкентъ не сдался, и Шамуратъ-хану пришлось идти обратно. Вслѣдъ за отступившими двинулся и Худояръ и нагналъ Шамурата, переправившагося уже за Дарью близъ мѣстечка Самгара, на этой сторонѣ рѣки. Такой успѣхъ Худояръ-

хана произвелъ то, что въ войскѣ Шамурата тотчасъ же явилась измѣна: первый примѣръ ей подали тѣ самыя лица, которыя убили Малля-хана; они написали письма къ Худояру и рѣшились перейти на его сторону. Тогда Алимъ-куль, только-что пришедшій изъ Андиджана, приказалъ немедленно оцѣпить хана (Шамурата) стражей и въ его присутствіи произвелъ кровавую расправу съ измѣнниками: Хыдыръ-Али, Худай-Назаръ, Чотанъ и Рисали были немедленно зарѣзаны. Но и это не помогло: войско разбѣжалось, а Худояръ-ханъ вошелъ торжествующимъ въ Коканъ. Всѣ эти обстоятельства только разжигали взаимную ненависть партій, усиливая общее смятеніе. Шамуратъ-ханъ и Алимъ-куль бѣжали сначала въ Маргеланъ, потомъ въ Яр-Мазаръ, причеиъ первый будто бы былъ взятъ въ плѣнъ и былъ отправленъ въ Ташкентъ. Наконецъ, нѣкто мирза Ахметъ, бывшій нѣкогда правителемъ Ташкента и играющій теперь большую роль въ Кашгарѣ, провозгласилъ ханомъ какого-то Шаруха. Словомъ, смятеніе было полное. Не надѣясь съ нимъ справиться и испытавъ уже подъ стѣнами Кокана битву съ вновь усилившимся Алимъ-куломъ, Худояръ-ханъ обратился за помощью къ теперешнему бухарскому эмиру Музаффаръ-Эддину, который прислалъ къ нему сначала войско, а потомъ пріѣхалъ самъ. Началась мелкая, отдѣльная рѣзня почти на всѣхъ пунктахъ. Войска эмира доходили до Уша и Узгента, но возстанія не утомили. Поэтому, или по какимъ-либо другимъ соображеніямъ, но вслѣдъ за тѣмъ эмиръ быстро измѣнилъ свою политику: помирился съ Алимъ-куломъ, прислалъ ему подарки—золотую палку, тюбетейку, шашку, поясъ и прекрасный коранъ, и увелъ свои войска изъ Кокана. Освободившись отъ самаго главнаго и сильнаго врага, Алимъ-куль немедленно взялъ Коканъ и сдѣлалъ ханомъ Саидъ-Султана, сына Малля-хана. Худояръ-ханъ опять бѣжалъ въ Бухару. Повидимому, для Алимъ-кула и его партіи настало наконецъ спокойное время, которымъ онъ и началъ-было пользоваться для приведенія въ порядокъ дѣлъ ханства и уничтоженія навсегда силъ противной ему партіи; но время это было недолго: съ сѣвера надвинулись русскіе, въ борьбѣ съ которыми, 9 мая 1865 г., ему суждено было погибнуть, а съ запада пришелъ эмиръ, занялъ Ходжентъ, и вновь посадилъ въ Коканѣ Худояра.

Въ заключеніе, я прилагаю здѣсь, не лишенную нѣкотораго интереса, родословную табличку коканскихъ хановъ, составленную мною по мѣстнымъ распросамъ. За полную ея вѣрность поручиться не могу.

Примечаніе. Цифры надъ именами хановъ показываютъ преемственность ханствованія.

Запертое отъ всего образованнаго міра физическими и духовно-нравственными преградами, мусульманское населеніе Средней Азіи, въ продолженіе многихъ вѣковъ, вело жизнь совершенно исключительную, непохожую на жизнь прочихъ народовъ. Кореннымъ основаніемъ этой жизни служилъ и служить, какъ извѣстно, религіозный кодексъ, «шаріать» ¹⁾—буквально «путь» для достиженія цѣли, указанной Богомъ каждому мусульманину, — опредѣляющій всѣ проявленія жизни сего послѣдняго, отъ рожденія до смерти, и излагающій права и обязанности мусульманъ по отношенію къ Богу, самому себѣ и другимъ лицамъ. Подъ вліяніемъ этого кодекса, конечно, съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнившагося противъ своего первоначальнаго типа, и при отсутствіи, внѣ шаріата, всякой умственной жизни и движенія ²⁾, мусульманское населеніе Средней Азіи сложилось въ весьма компактное и однообразное общество, съ своеобразнымъ бытомъ и особымъ міромъ понятій, идей, нравственныхъ правилъ и міровоззрѣній ³⁾. При этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ мусульманскомъ обществѣ должны были выработаться и свои особые, ему только свойственные, идеалы человѣка вообще и правителя страны въ особенности. Такихъ идеаловъ правителя страны существуетъ въ Средней Азіи, если я не ошибаюсь, два, весьма различныхъ по своему характеру, краскамъ и обрисовкѣ. Очень можетъ быть, что въ созданіи ихъ, кромѣ указанныхъ причинъ, участвовало и племенное различіе въ характерахъ двухъ

¹⁾ Шаріать, по своему составу и характеру, представляетъ систематически разработанное арабскими учеными каноническое и гражданское право мусульманъ, насколько оно проявилось въ основной книгѣ мусульманства—коранѣ. Поэтому, шаріать не есть названіе какой-нибудь одной книги, а содержаніе многихъ книгъ, излагающихъ права и обязанности мусульманъ. Въ Средней Азіи шаріать практикуется по книгѣ, называемой „Мухтессеръ-уль-викаять“, въ Индіи—по сборнику „Гидаля“, въ Турціи—по „Мультека“.

²⁾ Не только всякое мусульманское сочиненіе, о какомъ бы предметѣ оно ни говорило (даже объ усладѣ женщинъ, лязети ниса—книга, которую я самъ видѣлъ), всегда начинается религіознымъ предисловіемъ, и даже представленіе маскарабаза (шута), дарваза (канатнаго плясуна, фокусника и т. п.) постоянно предшествуется и оканчивается молитвою.

³⁾ Читавшаяся нѣкогда ради забавы и давно уже забытая прелестная книга Моріера „Мирза-Хаджи-Баба въ Испагани“, должна бы была получить, въ настоящее время, для насъ, русскихъ, занявшихъ оспѣдлыя мѣстности Туркестана, особое значеніе. Такого глубокаго знанія мусульманской природы и такого мастерского и художественнаго сопоставленія мусульманскихъ идей съ европейскими, какія находятся въ этомъ романѣ, едва ли найдется въ самыхъ ученыхъ и серьезныхъ сочиненіяхъ. Одинъ очень умный востоковѣдъ говаривалъ мнѣ, что книгу Моріера слѣдовало бы давать, прежде всякой инструкціи, всѣмъ отправляющимся изучать Востокъ.

господствующихъ народностей Средней Азіи—таджиковъ и узбековъ, какъ это видно, напримѣръ, въ народной (а не книжной) легендѣ о царевнѣ Ширинѣ и ея двухъ женихахъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ характерныя черты обоихъ племенъ высказались съ особенной рельефностью. Одинъ изъ народныхъ идеаловъ рисуетъ власть какъ ученаго и святого, строгаго исполнителя «шаріата», суроваго святошу, скупого въ своей частной жизни, но щедраго на дѣла милосердія и духовнаго просвѣщенія, воинственнаго не ради своей собственной славы, а ради дѣлъ божіихъ. Таковымъ, если не на самомъ дѣлѣ, то въ воспоминаніи народа, былъ, на-примѣръ, Шамуратъ, ханъ бухарскій, и таковымъ же старается быть теперешній Якубъ-бекъ (или Бадаулетъ и эмиръ) кашгарскій. Другой идеалъ власти—батырь (богатырь) и джигитъ (молодецъ), не особенный ревнитель шаріата, но справедливый въ душѣ, защитникъ народа, воинственный, щедрый и великодушный. Странное дѣло, но этотъ идеалъ воплотилъ себя въ народномъ воображеніи въ послѣднее время не мусульманинъ, а кяфиръ и русскій—«Ширъ-наибъ» (левъ-намѣстникъ), т.-е. генералъ Черняевъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, т.-е. въ нѣкоторомъ сходствѣ характера перваго покорителя Туркестана съ народнымъ идеаломъ властителя, и лежитъ, по моему мнѣнію, причина той громадной популярности, которою пользуется его имя въ Средней Азіи.

Бывшій владѣтель Боканскаго ханства, Саидъ-Могаметъ-Худояръ-ханъ, не обладаетъ ни однимъ изъ качествъ двухъ выше-описанныхъ народныхъ идеаловъ мусульманскаго властителя, и потому, въ связи съ другими обстоятельствами, о которыхъ будетъ сказано ниже, никогда не пользовался ни любовью народа, ни преданностію своихъ приближенныхъ и единомышленниковъ. Кипчакъ по происхожденію, проведеншій свою раннюю юность среди кочевниковъ, Худояръ-ханъ, по рассказамъ лицъ, близко его знающихъ, не имѣетъ въ своемъ характерѣ ни одной хорошей черты своего племени и вообще ничего кипчакскаго. По своимъ привычкамъ и наклонностямъ онъ приближается не къ кочевнику и узбеку, а скорѣе къ сарту и таджику, т.-е. промышленнику и торгашу по преимуществу. Независимое положеніе, или, въ мусульманскомъ смыслѣ, безнаказанность, сгладили въ немъ ту приниженность, лживость, изворотливость и ласкательство, которыя такъ рѣзко бросаются въ глаза каждому въ характерѣ сарта; но за то это же положеніе развило въ немъ неудержимую жажду къ личной наживѣ и страсть къ обогащенію всяческими средствами, даже въ ущербъ своимъ собственнымъ

интересамъ. Я видалъ въ Средней Азіи много лицъ, бывшихъ въ прежнее время независимыми владѣтелями, и не знаю ни одного изъ нихъ, который бы умѣлъ или считалъ возможнымъ для себя занятіе торговлею и промышленностью. Буржуазный же Худояръ-ханъ, Людовикъ-Филиппъ Кокана, если такъ можно выразиться, смотрѣлъ на это дѣло иначе: какъ только неблагоклонная судьба лишала его помѣстья—Коканскаго ханства, онъ всегда съумѣлъ пристраиваться гдѣ-нибудь въ Джизакѣ, такъ, чтобы продолжать, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, свое любимое занятіе—наживу денегъ. Въ то время, когда другіе, подобные ему, несчастливцы служили при дворѣ бухарскаго эмира, подвергаясь всѣмъ случайностямъ своего положенія ¹⁾, Худояръ-ханъ спокойно торговалъ себѣ въ Джизакѣ, выжидая время возвратить утраченное, чтобы снова приняться за прежнее—выжиманіе денегъ у своихъ подданныхъ. Еслибы при такомъ характерѣ Худояръ-ханъ обладалъ большимъ умомъ, чего однакоже нѣтъ, то и тогда трудно бы было предположить, чтобы онъ могъ помириться съ приходомъ въ Среднюю Азію русскихъ, отнявшихъ у Коканскаго ханства едва ли не девять-десятыхъ ея территоріи, и, какъ выражались наши мѣстные политики, искренно и нелицемѣрно понять свое положеніе и свои отношенія къ Россіи. Русскихъ, которыхъ онъ никогда не понималъ и не любилъ, онъ терпѣлъ потому, что они защищали его отъ Бухары и своею дружбой съ нимъ поднимали его въ глазахъ своего народа, и тѣмъ самымъ давали ему возможность обирать этотъ народъ по своему усмотрѣнію. Объ этомъ предметѣ и нашемъ, на его счетъ, заблужденіи мы поговоримъ ниже, а теперь возвратимся къ прерванному. Не довольствуясь законными налогами, опредѣленными шаріатомъ и обычаемъ, Худояръ-ханъ ежегодно открывалъ новые предметы обложенія и разъ отъ разу становился изобрѣтательнѣе. Несмотря на то, что податями облагались каждый снопъ сѣна, чашка молока, десятокъ яицъ, вынесенные на базары, изобрѣтательному хану все еще было мало: онъ сдѣлалъ регаліей пляски скомороховъ, вожденіе медвѣдей, игры фокусниковъ, поручивъ эти занятія своимъ людямъ или отдавъ ихъ на аренду за извѣстную плату. «Съ насъ тащутъ за все», говорилъ мнѣ одинъ ко-

¹⁾ Извѣстный Достъ-Магометъ, эмиръ авганскій, бѣжавшій отъ англичанъ въ Бухару къ эмиру Нассруллѣ, выдержалъ большія непріятности отъ сего послѣдняго, желавшаго взять къ себѣ въ „бачи“ сына Достъ-Магомета, красиваго мальчика Ширъ-Али, теперешняго эмира авганскаго. Притѣсненія эти принудили Доста остаться Бухару.

канецъ: «за карауль лавокъ, которыя мы сами окарауливаемъ, за мѣсто на базарѣ, гдѣ мы временно останавливаемся съ своими возами, за купленную пьявку, за проданный хворостъ и солому. На ханскія работы выгоняются тысячи людей; рабочимъ не только не даютъ денегъ или пищи, но еще съ нихъ берутъ деньги, и, избави Боже, если кто-нибудь уклонится отъ работы: бывали примѣры, что такихъ людей, на самомъ мѣстѣ работъ, живыми зарывали въ землю».

Понятно, что подобное положеніе дѣлъ, даже въ Средней Азіи, существовать долго не могло и рано или поздно должно было кончиться если не нашимъ вмѣшательствомъ, то общеою народною вспышкою. Люди, благоразумные и неослѣпленные игрушечными отношеніями къ своей власти, давно видѣли исходъ коканскихъ дѣлъ и не разъ говорили, кому слѣдуетъ, что, поддерживая Худояра-хана, мы безцѣльно вооружаемъ противъ себя коканское населеніе и этимъ самымъ отдаемъ его подъ вліяніе Капгара. Но, къ сожалѣнію, этихъ людей не слушали.

Выше я уже замѣтилъ, что отношенія наши къ Худояр-хану никогда не были и не могли быть съ его стороны искренними. О фактахъ, на которыхъ я основываю мое настоящее мнѣніе, далеко, впрочемъ, не единичное, я скажу ниже, а теперь не могу обойти молчаніемъ, что въ весьма дѣльной и хорошей книгѣ М. А. Терентьева «Россія и Англія въ Средней Азіи», отношенія наши къ Кокану и личность самого Худояр-хана выставлены далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они дѣйствительно существовали. Обстоятельство это можно объяснить себѣ только тѣмъ, что г. Терентьевъ, смотрящій совершенно вѣрно на нашу политику въ Средней Азіи и хорошо знающій, какое значеніе имѣютъ на Востокѣ всѣ договоры и условія, отступилъ, по отношенію къ Кокану, отъ своего взгляда, принявъ писанное за дѣйствительно существовавшее и обычныя восточныя вѣжливости за неподдѣльную искренность отношеній. Выше уже было описано, что за личность Худояр-ханъ, бывшій ханъ коканскій. Достаточно знать эту личность, такъ сказать саму по себѣ, «an sich», не разсматривая ея отношеній къ русскимъ, чтобы сказать, что ни яснаго пониманія своего положенія, ни тѣмъ болѣе искренности отношеній отъ такого характера ожидать трудно, какъ трудно ожидать искренности въ дѣлахъ со всякимъ сартомъ, гдѣ замѣшаны его личные и, почти всегда, единственные въ его жизни интересы. Увѣрять же, что Худояр-хану было выгодно имѣть своими сосѣдями русскихъ, отнявшихъ около девяти-десяти ханства и державшихъ его, хотя и не въ строгой, но въ постоян-

ной опека — дѣло не статочное. Факты подтверждаютъ сказанное. Кому неизвѣстно, что Худояръ-ханъ готовился къ войнѣ съ нами вскорѣ послѣ занятія нами Ташкента, и благоразумно удержался отъ нея только по совѣту нашего же туземца, обидѣвъ этимъ, какъ носились слухи, одного нашего покорителя, — что онъ готовился помогать эмиру во время самаркандскаго похода и не совершилъ этого только потому, что не получилъ желаемыхъ извѣстій отъ своего благоразумнаго посланника, бывшаго въ то время при нашихъ войскахъ. Всѣ эти начинанія не привели къ желаемой развязкѣ не по его собственному сознанию, а вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ — не больше. Самъ онъ всегда былъ готовъ попытать счастья. Приготовленія къ войнѣ дѣлались въ ханствѣ и во время хивинской экспедиціи, и во все время ханствованія Худояра. Откуда же взялись эти 39-ть пушекъ, которыя были недавно взяты при Махрамѣ? Мы, жившіе въ Ташкентѣ, хорошо знали, когда лилась каждая пушка. Что касается до нашего торговаго договора, то Худояръ-ханъ всегда смотрѣлъ на него какъ на нѣкую только любезность, сдѣланную въ угоду намъ, по которую онъ всегда можетъ и взять обратно. Для доказательства я приведу одинъ документъ, вполне достаточный, чтобы видѣть, какъ понимаетъ Худояръ торговые договоры; это отвѣтъ его по поводу жалобы нашихъ купцовъ на излишніе сборы за вывозъ изъ Кокана хлопка, составлявшіе, кромѣ зякета, 1 руб. 90 коп. за cadaго верблюда (16 пуд.). Забывая статью имъ же подписаннаго торговаго договора, что со всѣхъ товаровъ, идущихъ изъ русскихъ предѣловъ въ Коканъ и обратно, должно взиматься столько же, сколько въ Туркестанскомъ краѣ, и зная, что у насъ никакихъ сборовъ, кромѣ зякета, не существовало, Худояръ-ханъ, въ помянутомъ отвѣтѣ, подтвердивъ справедливость заявленнаго въ жалобѣ факта, весьма наивно отвѣчалъ, что «четыре или пять лѣтъ тому назадъ, когда, по приказанію моего брата генераль-губернатора, пріѣзжалъ въ гости посломъ полковникъ Шауфусъ, то онъ передавалъ мнѣ просьбу его высокопревосходительства (т.-е. дѣло идетъ о самомъ торговомъ договорѣ) относительно хлопка, и я, изъ уваженія и желая порадовать (!) брата моего генераль-губернатора, принялъ просьбу его (договоръ-то!) и сбавилъ взиманіе съ 60 тенегъ на $\frac{1}{2}$ тилли (1 р. 90 к.), и съ этого времени взиманіе по $\frac{1}{2}$ тилли съ cadaго верблюда съ хлопкомъ вошло въ обычай, какъ въ отношеніи русскихъ купцовъ, такъ и мусульманскихъ. Между русскими и мусульманскими купцами различія нѣтъ; относительно первыхъ, по приказанію моему, даже оказывается мехтеромъ (сборщикомъ),

муллой Миръ-Касимомъ во всѣхъ случаяхъ вниманіе и великодушіе. Не знаю, что будетъ, если уничтожить существующій уже нѣсколько лѣтъ между нашими и русскими обычай, такъ какъ въ каждомъ государствѣ существуетъ много подобнаго рода узаконеній. Вамъ, какъ образованнымъ, лучше должны быть извѣстны обычаи и постановленія каждой страны». Гдѣ тутъ пониманіе заисключеннаго обязательства, сознаніе въ необходимости его исполненія? Любезность къ «брату», не больше...

Причина нашего заблужденія относительно Худояръ-хана заключалась въ его посланникѣ, живущемъ постоянно въ Ташкентѣ. Мирза Хакимъ Парваначи, весьма почтенная личность, давно знаетъ русскихъ и ихъ порядки, вполне ихъ понимаетъ, и давно свыкъся съ ними. Вращаясь между русскими и бывая въ Коканѣ наѣздомъ, мирза Хакимъ совершенно загородилъ собою, большинству изъ насъ, своего хана и тотъ дѣйствительный, а не фантастическій, въ его личности выражаемый, Коканъ, который, въ сущности говоря, не имѣетъ ничего общаго съ своимъ представителемъ. Слушая его мнѣнія, высказывая ему свои взгляды, имъ понимаемые и одобряемые, мы совершенно забывали, что съ нами бесѣдуетъ совсѣмъ русскій человѣкъ, а не коканецъ, и наивно думали, что весь Коканъ долженъ быть непременно точно такимъ же, какъ и его представитель, а между тѣмъ на дѣлѣ выходило совсѣмъ не такъ. Этотъ самый представитель считался въ представляемой имъ странѣ чуть ли не кяфиромъ или, по меньшей мѣрѣ, чужимъ человѣкомъ. Поэтому, уже вскорѣ послѣ переселенія посланника въ Ташкентъ, а въ послѣднее время въ особенности, совѣтовъ его не только перестали слушать въ Коканѣ, но и нерѣдко старались поступать противно его совѣтамъ, подозревая въ нихъ неискренность и русское коварство. Съ другой стороны, мы, русскіе, чѣмъ болѣе жили среди насъ коканскій посланникъ, тѣмъ болѣе убѣждались, что Коканъ цивилизуется и воспитывается въ желаемомъ нами направленіи. Выходило пресмѣшное *qui pro quo*, котораго мы не замѣчали. Наконецъ дѣлу надлежало разъясниться, и оно разъяснилось, какъ всякій водевиль, пятымъ дѣйствіемъ, открывшимъ взаимныя недоумѣнія.

Въ заключеніе мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ объ одномъ предметѣ, хотя прямо и не относящемся къ Коканскому ханству, но тѣмъ не менѣе имѣющемъ связь съ послѣдними событіями въ ханствѣ. Я разумѣю вторженіе коканскихъ шаекъ въ наши предѣлы съ цѣлью возмутить, противъ русскихъ, населеніе

Туркестанскаго края. Не только кто жила въ Средней Азіи и нѣсколько ее знаетъ, но даже и тотъ, кто хотя немного интересовался положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ и слѣдилъ за происшедшими въ ней событіями, невольно недоумѣваетъ и становится втупикъ передъ объясненіемъ себѣ этого, нежданно-негаданнаго, вторженія. Какимъ образомъ могло случиться, что послѣ побѣды нашихъ въ Средней Азіи, послѣ страха, нагнаннаго взятіемъ Ташкента, послѣ Ирджара, самаркандскаго погрома, хивинской экспедиціи, маленькое ничтожное ханство Коканъ, «нашъ вассалъ», какъ называли его наши мѣстные политики, проявило такую дерзость, что не только прогнало своего хана, не спросясь насъ, но и выслало въ наши предѣлы свои мятежныя шайки въ такихъ размѣрахъ, что объяснить ихъ вторженіе простымъ стремленіемъ къ грабежу уже не приходится, такъ какъ возстаніе въ ханствѣ руководится не темными лицами изъ народа, а бывшими приближенными хана и, кажется, его старшимъ сыномъ¹⁾, которымъ, конечно, должно было бы лучше, чѣмъ другимъ, быть извѣстнымъ, съ какимъ сосѣдомъ затѣваютъ они ссору? Гдѣ же это моральное значеніе русскаго имени въ Средней Азіи, сознаніе ея населеніемъ и владѣтелями независимыхъ ханствъ нашей силы и невозможности борьбы съ нами? Оказывается, что вліяніе наше въ Средней Азіи таково же, какимъ оно было передъ взятіемъ Ташкента, если не хуже, ибо тогда осѣдлый Туркестанъ насъ едва зналъ, а теперь, по истеченіи десяти лѣтъ, онъ могъ бы, казалось, познакомиться съ нами поближе и помириться съ своею судьбою. Однако-жъ ничего этого не случилось, и мы очутились въ томъ же положеніи, какъ будто сейчасъ только пришли въ Среднюю Азію. Такіе вопросы заставляютъ невольно призадуматься всякаго, кому дороги и близки наши политическіе интересы въ Средней Азіи, и вникнуть поглубже въ положеніе дѣлъ на нашей среднеазиатской окраинѣ. Я объясняю себѣ сказанныя обстоятельства двумя причинами — самою отдаленною и самою

¹⁾ Относительно этого сына, Нассрединъ-Бека, сдѣлавшагося теперь коканскимъ ханомъ, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ увѣренія объ его умѣ, любви къ прогрессу, расположеніе къ русскимъ, желаніе жить съ ними въ мирѣ, также ненадежны, какъ и тѣ восхваленія, которыя дѣлались недавно относительно его отца. Достаточно припомнить одинъ, вполне достовѣрный фактъ, переданный, года два тому назадъ, г. Раевскимъ въ газетѣ „Голосъ“, о томъ, какъ этотъ Нассрединъ-Бекъ, пріѣхавши въ Ташкентъ въ гости къ русскимъ, чествуемый и прославляемый (одинъ мѣстный ораторъ сравнилъ его даже съ Петромъ Великимъ) въ то же время секретно подсылалъ съ предложеніемъ денегъ и дружбы къ живущему въ Ташкентѣ плѣнному беку и раздавалъ въ азіатскомъ городѣ деньги и халаты жителямъ.

ближайшею: общимъ, объединяющаго характера, религіозно-политическимъ движеніемъ въ средѣ самаго мусульманства, и современнымъ положеніемъ дѣлъ въ нашей среднеазіатской окраинѣ.

Читателямъ «Вѣстника Европы» вѣроятно памятна статья гр. Кутайсова о магометанскомъ религіозномъ движеніи въ Индіи, помѣщенная въ двухъ книжкахъ этого журнала за 1873 г. Въ означенной статьѣ, составленной по извѣстной книгѣ Hunter'a (*The indian muslimans*), весьма обстоятельно рассказывается, какимъ образомъ чисто-религіозное и высоко-нравственное само по себѣ ученіе извѣстнаго арабійскаго сектатора Абдуль-Ваггаба, перейдя на индійскую почву, стало страшною политическою сектою, постепенно разрастающеюся и грозящею окончательно поколебать въ Индіи англійское владычество. Отбросивъ всѣ второстепенные религіозные вопросы, индійскіе ваггабиты занялись развитіемъ главнаго догмата ихъ секты — обязанности веденія священной войны противъ невѣрныхъ, создавъ для этого громадную литературу религіозныхъ трактатовъ, популярныхъ рассказовъ и пѣсенъ, и ревностныхъ, энергическихъ проповѣдниковъ, распространяющихъ, съ полнымъ самоотверженіемъ и отъ глубины души, ученіе ихъ секты. Послѣдователи ваггабизма въ Индіи доказываютъ, что ни одинъ правовѣрный не можетъ надѣяться на блаженство будущей жизни, если онъ останется въ настоящемъ угнетенномъ положеніи, что для спасенія души ему слѣдуетъ выбрать или войну противъ угнетателей-невѣрныхъ, или бѣгство изъ проклятаго края. Истинный правовѣрный не можетъ и не долженъ быть преданъ невѣрному правительству; преданность его въ этомъ случаѣ не только преступна, но и навсегда заграждаетъ ему путь въ царство небесное. Только лицемѣры могутъ препятствовать своимъ соотечественникамъ вести священную войну или бѣжать изъ оскверненнаго края. Въ странѣ, гдѣ, противно волѣ Бога, допускается, вмѣстѣ съ мусульманскою, другая религія, чистота истинной вѣры не можетъ быть сохранена. А потому магометане должны соединиться и приложить всѣ средства для достиженія одной цѣли—истребленія невѣрныхъ и освобожденія родины.—Вотъ какое ученіе, охвативъ, по сознанію самихъ англичанъ, почти всю Индію, движется къ намъ въ Среднюю Азію. Этимъ, конечно, я не хочу сказать, чтобы послѣднія событія въ Коканскомъ ханствѣ и Русскомъ Туркестанѣ были произведены послѣдователями ваггабизма и имѣли своею ближайшею причиною ученіе этой секты. Я далекъ отъ такого мнѣнія, но я убѣжденъ, что общее, туманное и не вполне выяснившееся еще для самихъ среднеазіатскихъ мусульманъ, политико-религіоз-

ное броженіе въ Индіи, такъ сказать, атмосфера ваггабизма уже проникла въ Среднюю Азію и начинаетъ производить свое дѣйствіе, выражающееся пока въ отдѣльныхъ, еще мало замѣтныхъ, но уже знаменательныхъ явленіяхъ. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, въ Средней Азіи слишкомъ мало знаемъ нашихъ мусульманъ и слишкомъ небрежно относимся къ тому, что дѣлается въ ихъ умственномъ мірѣ; потому подобныя явленія, въ большинствѣ случаевъ, либо остаются намъ вовсе неизвѣстными, либо останавливаютъ на себѣ наше вниманіе только какъ частные случаи. Мы запрещаемъ, на примѣръ, нашему офицеру, мусульманину, завести въ краѣ литографію для туземцевъ, опасаясь проявленія мусульманскаго фанатизма, и либерально допускаемъ къ себѣ изъ Индіи десятками верблюдовъ литографированныя тамъ книги, не справляясь объ ихъ содержаніи. Случалось, по временамъ, что по всему краю ходила какая-то «васіятъ-нама» (увѣщательная грамота), возбуждая разные толки, и едва ли многіе изъ насъ знали объ этомъ обстоятельствѣ. Наконецъ, бывали и такіе случаи, которые прямо напрашивались, такъ — сказать, на болѣе серьезное ихъ обсужденіе. Въ 1871-мъ году на почтовую станцію Карасу, близъ Ташкента, сдѣлано было нападеніе шайкой туземцевъ, причемъ самая станція была сожжена, а почевавшій въ ней проѣзжій офицеръ, Колесниковъ, убитъ. Я не знаю, какъ посмотрѣло на это дѣло слѣдствіе — признало ли оно мятежную шайку разбойниками или фанатиками, стремившимися къ Ташкенту на соединеніе съ ожидавшимъ ее будто бы тамъ Магометомъ, но мнѣ извѣстно, что глава этой шайки ишанъ Ишъ-Магометъ-кулъ, житель селенія Юнгушкалика (Куль-кара тожъ), скрывшійся отъ преслѣдованія въ коканскіе предѣлы, былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ нѣкоего Суфи-Бадаля, коканскаго сектатора, приходившаго, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ Ташкентъ распространять тамъ свое ученіе, ничѣмъ не отличающееся отъ ваггабизма. Хотя Суфи-Бадаль и былъ, какъ говорить, прогнанъ ташкентцами съ позоромъ, но несомнѣнно, что ученіе его, судя по Ишъ-Магометъ-кулу, нашло себѣ учениковъ и приверженцевъ. Къ этому я долженъ прибавить, что индійскіе ваггабиты существуютъ уже въ Балхѣ и Бухарѣ, а слѣдовательно, они должны быть и въ нашемъ Самаркандѣ, находящемся съ Бухарой въ самомъ тѣсномъ духовномъ общеніи.

Сводя все вышесказанное къ одному заключенію, я не прочь думать, что недавнее вторженіе въ наши предѣлы коканскихъ шаекъ имѣло своею отдаленною причиною именно то, вышеописанное, религіозно-политическое движеніе въ средѣ мусульман-

ства, которое, въ рѣзко опредѣленной формѣ, выразилось уже въ англо-индійскихъ владѣніяхъ и въ неясномъ и несложившемся еще ученіи бродить уже въ Средней Азіи, а въ томъ числѣ и въ Коканскомъ ханствѣ. — Теперь нѣсколько словъ о другой причинѣ вторженія коканцевъ — положеніи дѣлъ въ нашей среднеазіатской окраинѣ. — Условлено говорить, что приходъ нашъ въ Среднюю Азію принесъ этой странѣ, взамѣнъ прежняго деспотическаго произвола ея владѣтелей, порядокъ и спокойствіе, обезпеченіе личности и имущества, и вообще всѣ условія къ спокойному и безмятежному пользованію гражданскою жизнію, — что успѣшное распространеніе нашего вліянія заключается будто бы въ томъ, что мы, русскіе, не стѣсняемъ туземцевъ не только въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, но даже и въ ихъ обычаяхъ. Мы ничего не навязываемъ имъ насильно, предоставляя имъ полную свободу въ этомъ отношеніи. Убѣжденіе же въ нашемъ превосходствѣ и въ томъ, что масса туземцевъ постепенно мирится съ нами, привыкаетъ къ русскому владычеству, составляетъ постоянную причину неудовольствія противъ насъ духовенства и лицъ, бывшихъ вліятельными при мусульманскомъ владычествѣ.

Я не буду спорить, что это не такъ, но замѣчу, что съ занятіемъ русскаго Туркестана мы подчинили себѣ не одни только племена кочевыя, находящіяся на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи, но также и племена осѣдлыя, жившія, какъ я сказалъ выше, въ продолженіе многихъ вѣковъ своеобразною историческою, политическою и гражданскою жизнію, и выработавшими себѣ особый складъ идей, понятій, отношеній и иное, чѣмъ у насъ, міросозерцаніе. Поэтому многое, что кажется иногда пригоднымъ, необходимымъ или нетерпимымъ и невозможнымъ въ европейскомъ смыслѣ, бываетъ другимъ или не всегда такимъ въ смыслѣ мусульманскомъ, особенно если это европейское является передъ мусульманами въ мало понятной или уродливой формѣ ¹⁾).

Начнемъ съ мусульманскаго фанатизма, противодѣйствующа-

¹⁾ Приходитъ разъ ко мнѣ одинъ изъ живущихъ въ Ташкентѣ бековъ, глуповатый и аляповатый узбекъ, и говоритъ, что вотъ уже три мѣсяца, какъ онъ ходитъ за деньгами и ихъ ему не выдаютъ. Отчего? спрашиваю. „Кагазь кирекъ“ (нужна бумага) — отвѣчаетъ. По справкѣ оказалось, что требуемая бумага есть такъ-называемое удостовѣреніе личности. А такъ какъ два этихъ отвлеченныхъ слова по тюрки никакъ не переведешь, и самому беку, непонимающему, какъ можно еще удостовѣрять личность, когда она сама присутствуетъ, значеніе этой формальности не растолкуешь, то все, въ концѣ-концовъ, обратилось въ „кагазь кирекъ“ и три мѣсяца ожиданія.

щаго, какъ говорятъ, распространенію нашего вліянія въ Средней Азіи. Всякій фанатизмъ, всякое отвращеніе къ чужому только потому, что оно чужое, сглаживается и уничтожается просвѣщеніемъ, т.-е. распространеніемъ въ массѣ населенія точныхъ знаній и здравыхъ идей и понятій, а не тѣмъ, что ихъ не трогаютъ. Въ этомъ отношеніи мы, русскіе, для уничтоженія фанатизма ровно ничего не сдѣлали въ Средней Азіи. Я не говорю уже о школахъ, учебникахъ, изданіи популярныхъ сочиненій и т. п., что было бы, какъ я скажу ниже, очень легко сдѣлать при тѣхъ средствахъ, которыя имѣлись въ нашемъ распоряженіи и которыми обладаютъ сами мусульманскія общества. Мы даже не указали туземцамъ, путемъ собственнаго примѣра, ничего такого осязательно полезнаго, въ чемъ они могли бы подражать намъ; въ теченіи десяти лѣтъ мы не обучили ихъ, на почвѣ коммерческо-практической, имъ хорошо знакомой, ничему такому, въ чемъ бы они могли видѣть и понять выгоды нашей европейской цивилизаціи. Мы показали имъ только нашу военную силу и наши деньги, которыя мы бросали передъ ихъ изумленными и нѣсколько насмѣшливыми взорами. Я не буду приводить здѣсь примѣровъ нашей коммерческой неумѣлости въ Средней Азіи: они не разъ заявлялись въ печати и болѣе или менѣе извѣстны. Естественнo, что при такомъ положеніи дѣлъ туземцамъ Средней Азіи весьма трудно проникнуться уваженіемъ къ нашей цивилизаціи. Во имя чего будутъ умять они свой фанатизмъ и ненависть къ непрошеннымъ гостямъ, пришедшимъ распоряжаться ихъ страной; откуда почерпнутъ они здравыя понятія о нашемъ умственномъ превосходствѣ надъ ними? Конечно, уже не изъ тѣхъ календарей, о которыхъ я упомянулъ выше. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи мы могли бы сдѣлать много хорошаго. Нигдѣ частная благотворительность такъ много не жертвовала на просвѣщеніе, какъ въ этихъ нищенскихъ, сравнительно съ нами, странахъ. Возьмемъ хоть для примѣра Ташкентъ, не говоря уже о Самаркандѣ и Бухарѣ. Въ Ташкентѣ существуетъ около 16-ти медресе (т.-е. высшихъ учебныхъ заведеній) и болѣе 200 махтаровъ, т.-е. приходскихъ училищъ. Въ первыхъ обученіе не только бесплатное, но каждый ученикъ получаетъ еще квартиру и деньги на содержаніе, во-вторыхъ — бесплатное. Положимъ, что медресе эти не велики, что вмѣсто серьезныхъ знаній въ нихъ обучаютъ фанатизму; но кто же мѣшалъ намъ исподволь, осторожно, приступить къ этимъ школамъ и фанатизму. Опасности быть не могло. Вѣдь взяли же мы въ свое распоряженіе вакуфъ (пожертвованіе на богоугодныя дѣла) Назаръ-

Бія и отдали его туркестанскому благотворительному обществу; лишили же мы многих медресе ихъ доходовъ закрытіемъ въ старомъ городѣ принадлежащихъ имъ караванъ-сараевъ для того, чтобы оптовая торговля производилась въ русской части г. Ташкента, на ярмарочной площади. Между мусульманскимъ духовенствомъ встрѣчаются много людей, серьезно желающихъ изучить русскій языкъ и познакомиться съ Россіей, и не имѣющихъ никакихъ пособій и средствъ съ той, т.-е. нашей, стороны, на которой должна бы лежать главная забота объ этомъ. Вотъ этихъ-то личностей, вліяющихъ на мусульманскій фанатизмъ, и слѣдовало бы отмѣчать намъ, ибо черезъ нихъ, а не черезъ тѣхъ подонковъ мусульманства, о которыхъ я скажу ниже, мы можемъ проводить въ массу наши намѣренія и достигать нашей цѣли. Но говорятъ, что фанатизмъ населенія мы уничтожаемъ, такъ-сказать, пассивно, а не активно—тѣмъ, что не стѣсняемъ туземцевъ въ ихъ религіи, нравахъ и обычаяхъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Завоевавъ край, мы сдѣлали въ немъ такія преобразованія, которыя не могли не отразиться самымъ существеннымъ образомъ на религіозную и бытовую сторону туземца. Мы замѣнили въ кочевомъ населеніи родовое начало административнымъ и выборнымъ: вмѣсто киргизскихъ родовъ съ ихъ родоначальниками, стали волости и волостные управители; мы уничтожили въ осѣдломъ населеніи должность раисовъ (блюстителей религіозныхъ обрядовъ), предоставили русскимъ властямъ право разбирать семейныя дѣла и совершать разводы, завели русскій судъ для тяжбъ кочевниковъ съ осѣдлыми жителями, т.-е. *въ этомъ случаѣ* лишили первыхъ ихъ прежняго суда по обычаю, а вторыхъ по шаріату. Мы измѣнили всю податную систему и притомъ такъ, что не ввели русскую, а передѣлали туземную, лишивъ ее, такъ сказать, почвы и разумнаго основанія. Вмѣсто хераджа и танапа, собираемыхъ, первый—съ продукта, сообразно его урожаю, а второй—съ извѣстнаго размѣра земли, сборовъ, существовавшихъ въ прежнее время, мы установили недавно такъ-называемый поземельный сборъ, иначе говоря, мы просто назначаемъ теперь для каждаго уѣзда (по прежнимъ даннымъ) извѣстную сумму, которую онъ долженъ внести въ казну, причемъ сумма эта иногда возвышается процентовъ на пять и болѣе. Понятно, что указанные мною факты не остаются и не могутъ остаться безъ вліянія на бытовую сторону народа. Предположимъ даже, что всѣ наши мѣропріятія по отношенію къ туземцамъ были превосходны во всѣхъ отношеніяхъ; но дѣло въ томъ, что, при сужденіи о положеніи дѣлъ въ Средней Азіи, намъ необхо-

димо знать, какъ приняты означенныя мѣропріятія самимъ туземнымъ населеніемъ и насколько повліяли они на уменьшеніе фанатизма. Я, долго жившій въ Средней Азіи, долженъ признаться, что мѣры эти не были удовлетворительными. Фанатизмъ населенія нисколько не умалается и наше вліяніе не возрастаетъ. Если же, на первый взглядъ, намъ кажется, повидимому, обратное, то это происходитъ отъ одной весьма важной въ нашихъ отношеніяхъ къ туземцамъ ошибки, которую я постараюсь разяснить здѣсь. Въ первое время послѣ завоеванія Туркестанскаго края, намъ, понятно, были нужны люди изъ туземцевъ, посредствомъ которыхъ мы могли бы извѣстнымъ образомъ вліять и дѣйствовать на населеніе. Какъ всегда бываетъ въ подобнаго рода случаяхъ, къ намъ на помощь явились люди не чистой нравственности, люди, до нѣкоторой степени, порѣшившіе съ мусульманствомъ, ихъ, въ свою очередь презиравшемъ. На первыхъ порахъ, за невозможностью отличить въ чуждомъ намъ народѣ будущихъ полезныхъ намъ помощниковъ, мы принуждены были опереться на тѣхъ, которые пришли сами. Вотъ эти-то личности, толкающіяся среди русскихъ и позаимствовавшія отъ насъ нѣкоторый лоскъ, вводятъ насъ въ заблужденіе относительно умаленія мусульманскаго фанатизма и вредятъ нашему вліянію гораздо болѣе, чѣмъ самыя завзятые фанатики. Видя этихъ лицъ, говорящихъ по-русски, берущихъ различнаго рода подряды, занимающихъ разныя должности, восхваляющихъ русскихъ и ихъ порядки, пьющихъ у насъ вино и насъ онымъ угощающихъ, мы вообразили, что это-то и есть цвѣтъ мусульманскаго общества, освободившійся подъ русскимъ вліяніемъ, въ лицѣ своихъ представителей, отъ фанатизма и нетерпимости. А между тѣмъ, сзади этихъ лицъ, застилающихъ намъ глаза, живетъ иной міръ—міръ именно того фанатизма, умаленіе котораго мы радостно привѣтствуемъ, но который, тѣмъ не менѣе, стоитъ крѣпко и будетъ жить долго, ушедши, такъ-сказать, въ себя и изрѣдка проявляя себя наружу въ такихъ явленіяхъ какъ, напримѣръ, убіеніе аксакала въ Ходжентѣ, нападеніе на почтовую станцію и т. п. Для этого міра, какъ я сказалъ выше, мы ничего не сдѣлали, даже болѣе: послѣ подробнаго ознакомленія съ краемъ и населеніемъ, оставляя сказанныхъ лицъ въ прежнихъ ихъ роляхъ, мы тѣмъ самымъ косвеннымъ образомъ подогрѣваемъ мусульманскій фанатизмъ, ибо многіе дѣйствительно хорошіе люди, хотя и фанатики, давно бы вошли съ нами въ общеніе, если бы не боялись, въ глазахъ мусульманъ, смѣшать себя съ лицами, нами покровительствуемыми, но потерявшими уваженіе въ мірѣ мусульманскомъ. Что касается

наконецъ до мусульманскаго произвола, уничтоженнаго русскими порядками, то едва ли можно поручиться, что порядки эти кажутся туземцамъ менѣе произвольными, чѣмъ ихъ прежнія, мусульманскія. При мусульманскомъ владычествѣ произволъ дѣйствительно существовалъ, но произволъ этотъ, далеко, впрочемъ, не безграничный, былъ такимъ же продуктомъ тысячелѣтней жизни этой страны, какъ и всѣ ея другія учрежденія, нравы и обычаи. Онъ былъ ей родной и былъ ей понятенъ. Мусульманскій владѣлецъ и его власти, воспитанные въ той же средѣ и въ тѣхъ же воззрѣніяхъ, какъ и ихъ подчиненные, хотя и дѣйствовали произвольно, но тѣмъ не менѣе хорошо знали, гдѣ этотъ произволъ начинается и гдѣ кончается, знали его объемъ и его границы. Въ силу своего исключительнаго религіознаго воспитанія, однороднаго со всей массой населенія, и одинаковости съ ней въ образѣ жизни, привычкахъ и нравахъ, мусульманскіе владѣтели практиковали свой произволъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ рамкахъ, считая его даже не произволомъ, а необходимымъ атрибутомъ своей власти, безъ котораго было бы немислимо самое ея существованіе. Съ другой стороны, и самъ народъ смотрѣлъ на этотъ произволъ глазами своего владѣтеля, видя въ послѣднемъ не тирана и угнетателя, а счастливаго избранника судьбы, получившаго этимъ самымъ право на произволъ и самовластіе. Возросшій въ такихъ понятіяхъ, туземецъ Средней Азіи хорошо зналъ всѣ развѣтвленія этого произвола, отъ бека до послѣдняго аксакала включительно, ибо почва, на которой и въ предѣлахъ которой практиковался произволъ, была такъ же хорошо извѣстна первому, какъ и послѣднимъ. Словомъ, въ мусульманскомъ произволѣ туземецъ былъ дома и съ существованіемъ произвола сживался и мирился изстари. Съ точки зрѣнія европейской, такой произволъ, какой мы видимъ въ мусульманскихъ государствахъ, конечно, можетъ казаться ужаснымъ, но съ точки зрѣнія мусульманской онъ вполне естественъ и, пожалуй, законенъ. Случай съ Худояръ-ханомъ не можетъ служить доказательствомъ обратнаго, а напротивъ того, является подкрѣпленіемъ сказаннаго. Худояръ-ханъ потому именно и потерялъ ханство, что произволъ его пересталъ быть мусульманскимъ, а сталъ простымъ сумасбродствомъ нестѣсняемой никакими традиціями личности. Еслибы этотъ деспотъ, вмѣсто нескрываемаго и, такъ-сказать, откровеннаго грабежа своего народа, прикрылся бы своимъ правомъ и шаріатомъ и (какъ дѣлаетъ бухарскій эмиръ) продолжалъ бы свое дѣло, то можно поручиться, что ему никогда не пришлось бы

проѣхать въ Оренбургъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ.

Въ 1865 году мы завоевали Туркестанскій край и начали вводить въ него наши порядки, совершенно отличные отъ мусульманскихъ и, разумѣется, мало имъ понятные. Порядки эти весьма часто и существенно измѣнялись. Въ началѣ, до 1868 г., дѣйствовало *временное* положеніе о Туркестанской области, потомъ, съ 1868 г., *проектъ* положенія о Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, который разрѣшено было измѣнять въ частностяхъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Заравшанскій округъ, присоединенный послѣ, остался совсѣмъ безъ положенія. Въ первое время Туркестанская область раздѣлена была на правый и лѣвый фланги и центръ, начальники которыхъ завѣдывали военною и гражданскою частью. Дальнѣйшее мѣстное управленіе составляли районы, подъ вѣдѣніемъ управляющихъ туземнымъ населеніемъ. Въ лицѣ этихъ управляющихъ были сосредоточены: администрація, взиманіе податей и сборовъ, разборъ претензій и т. п. Кромѣ того, нѣкоторые города, принадлежащіе къ занятымъ нами укрѣпленіямъ, были изъяты изъ вѣдѣнія управляющихъ туземнымъ населеніемъ и подчинены комендантамъ. Несомнѣнная ответственность помянутого положенія о Туркестанской области съ потребностью края, говоритъ пояснительная къ нынѣ дѣйствующему положенію записка, заявляема была уже неоднократно мѣстнымъ начальствомъ, которое, представляя хаотическое состояніе администраціи, доносило, что такое положеніе терпимо болѣе быть не можетъ. Степная коммиссія, личнымъ обзрѣніемъ края и собранными матеріалами, пришла къ тому же убѣжденію и заключенію. Такъ шло дѣло до 1868 г., въ началѣ котораго были составлены особыя коммиссіи для новой организаціи края и введенія въ дѣйствіе, въ видѣ проекта, новаго положенія, которое, уже на третій годъ своего существованія, начало претерпѣвать нѣкоторыя, довольно важныя, измѣненія, какъ, напр., въ устройствѣ поземельнаго сбора, о которомъ уже было замѣчено выше. Новый проектъ положенія далъ краю другую администрацію, областную и уѣздную, другое дѣленіе уѣздовъ, далъ новое устройство суда, туземнаго и русскаго, установилъ подати, сборы и повинности, опредѣлилъ способы ихъ взиманія, — словомъ, далъ краю совершенно иную, чѣмъ прежде, организацію съ значительнымъ количествомъ новыхъ учрежденій, мѣстъ и должностныхъ лицъ. Въ 1871 году сказанный проектъ долженъ былъ получить утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, но такъ какъ нѣкоторыя его части были признаны, по мѣстнымъ обстоятельствамъ,

не соответствующими цѣли, то предположено было составить для края новое положеніе, которое до сего времени еще не составлено, а между тѣмъ, до разрѣшенія этимъ, будущимъ, положеніемъ вопроса о правѣ поземельной собственности, въ краѣ было приостановлено заключеніе всякихъ актовъ на покупку и продажу недвижимыхъ имѣній, т.-е., иначе говоря, была прекращена одна изъ самыхъ важныхъ функцій всякаго гражданскаго общества. При этомъ нужно замѣтить, что ни прежнее положеніе, ни проектъ новаго, введеннаго въ дѣйствіе, никогда не были переведены на туземное нарѣчіе. Туземцамъ предоставлено было самимъ понять этотъ, довольно сложный для нихъ организмъ русскаго управленія и угадать всѣ соотношенія властей и учреждений, совершенно для нихъ новыхъ и мало понятныхъ.—Отчего это прежде, спрашивалъ у меня разъ туземецъ, гораздо легче было получить изъ казны деньги: придешь бывало къ Черняеву, дасть онъ записочку—и сейчасъ выдадутъ, а теперь ходишь, ходишь, и на силу добьешься? Конечно, на такой вопросъ приходилось отвѣчать, что тогда край былъ мало устроенъ, что не было подлежащихъ властей и т. п. Если ко всему этому прибавить, что Туркестанскій край весьма бѣденъ людьми, знающими туземныя нарѣчія и крайне нуждается въ переводчикахъ, то станетъ понятнымъ, какими глазами смотритъ туземецъ на наши порядки, будь они даже самые совершеннѣйшіе изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ. Конечно, порядки эти кажутся ему гораздо произвольнѣйшими, чѣмъ его прежніе, мусульманскіе, — не потому, что они дѣйствительно произвольны, а потому, что, видя ихъ частую перемену, онъ не въ состояніи понять и объяснить себѣ какъ значеніе этой перемены, такъ и существа этихъ порядковъ. Все это—я скажу не обинуясь—порождаетъ между туземцами общее неудовольствіе противъ русскихъ, которое нисколько не умалется, а даже возрастаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разносится по сосѣднимъ ханствамъ, возбуждая въ нихъ несбыточныя надежды на возвратъ утраченнаго и подстрекая ихъ къ такимъ выходкамъ, какъ всегдашнія просьбы о возвратѣ Самарканда, а въ настоящее время — и вторженіе въ наши предѣлы.

Н. Петровскій.